

ВЕРНУТЬ ЖЕНУ
ДАЙ МНЕ ШАНС

Селин Саади

Вернуть жену. Дай мне шанс

«Литнет»

2025

Саади С.

Вернуть жену. Дай мне шанс / С. Саади — «Литнет», 2025

За последние полгода бывший муж, подобно буре, разметавшей все на своем пути, дважды ворвался в мою жизнь. В первый раз — когда мне пришлось принимать экстренные роды у его новой жены. Во второй — когда он принес мне своего шестимесячного сына... — Варь...помоги. Прошу, — его слова звучат хрипло, с пронзающим отчаянием как крик о помощи из бездны. Тогда, глядя в некогда любимые глаза, вспоминая боль предательства и разрушенные надежды, я и представить не могла, к чему это приведет, а главное, чем всё закончится. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: сложные отношения, эмоции на грани, обязательный ХЭГроев ругать можно, авторов нет) НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ♥# НАМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ПРИЯТНА ВАША ПОДДЕРЖКА! Книга выходит в рамках литмоба «Вернуть бывшую жену». Все книги моба по ссылке:

© Саади С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Варвара	5
Глава 2. Варвара	8
Визуализация героев	11
Глава 3. Варвара	12
Глава 4. Варвара	15
Глава 5. Варвара	17
Глава 6. Варвара	19
Глава 7. Варвара	21
Глава 8. Варвара	23
Глава 9. Варвара	25
Глава 10. Варвара	27
Глава 11. Варвара	29
Глава 12. Варвара	31
Глава 13. Алексей	33
Глава 14. Варвара	35
Глава 15. Варвара	37
Глава 16. Варвара	39
Глава 17. Варвара	41
Глава 18. Варвара	43
Глава 19. Варвара	45
Глава 20. Алексей	47
Глава 21. Варвара	49
Глава 22. Варвара	51
Глава 23. Варвара	53
Глава 24. Алексей	56
Глава 25. Алексей	58
Глава 26. Варвара	60
Глава 27. Алексей	62
Глава 28. Варвара	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1. Варвара

Ночная смена пахнет хлоркой, потом и жжёным кофе из автомата. Густой, вязкий воздух, как старый бинт, липнет к коже. Усталость скребёт по затылку тупыми, упрямыми ногтями. Не больно — назойливо, с намёком на отчаяние.

Руки ломит. Каждая кость гудит, как камертон — я только что провела тяжёлые роды. Всё делала одна: акушерка слегла с гипогликемией, ординатор растерялся, как студент на экзамене.

Я стою у раковины. Мою руки до локтей. Горячая вода обжигает, как будто пытается выварить из меня всё — и кровь, и нервы, и воспоминания.

Я считаю вслух, монотонно, машинально:

— Один, два, три, четырнадцать...

Может, если мыть долго, всё это просто смоется. Это третий месяц почти без выходных. Я словно истязая себя специально, чтобы притупить ту боль, с которой живу. Лишь бы загрузить себя работой и не вспоминать. Не думать.

— Лунина, вниз! Экстренные роды! — голос пререзает тишину, как скальпель.

— Что по пациентке?

— Первородящая, двадцать девять. Быстрое раскрытие, жалуется на боли. Схватки рваные, возможно, обвитие.

Я киваю. Маска — на лицо, перчатки — в карман, планшет — подмышку. Лифт, как назло, не работает. Я бегу по лестнице, держась за холодные перила. Они словно обуглены, я хватаюсь за них, как будто могу затормозить падение мира.

Первый этаж гудит. В приёмной паника, по ощущениям объявили воздушную тревогу. Не меньше.

Скорая. Каталка. Женщина с закатившимися глазами, бледная, как тень. Медбрат орёт, кто-то заполняет бумаги на ходу, в коридоре гремит металл, всё звенит и грохочет, как в аварии.

И в этом хаосе — он.

Я вижу его спину. Узнаю. По походке. По тому, как держит женщину за руку — обеими ладонями, с судорожной нежностью, будто боится, что её унесёт буря.

Он поворачивается. И всё.

Меня сносит. Я внутрь себя, как в шахту без дна. В груди лёд раскрошился и разлетелся осколками.

Алексей. Мой бывший муж. Мой когда-то всё.

Он узнаёт меня не сразу. Маска. Шапочка. Халат. Но глаза — глаза он узнал. И его лицо — будто ударило током. Ужас. Мольба. Растерянность до боли знакомая.

А в моей груди скальпель. Острый. Тупой. Горячий. Кто-то его повернул.

Женщина на каталке — его новая. Его «единственная». Она кричит. Дёргается. Плачет. Она в моём отделении. На моём дежурстве.

— Что с ней? — спрашиваю у фельдшера. Мой голос чужой. Глухой, как из рации.

— Первородка. Сорок недель. Давление скачет. Крупный плод. Схватки слабые, но есть. Сердцебиение падает. Подозрение на гипоксию. ОРП — с минуты на минуту.

Мой мозг холодный, точный. Работает, как швейцарский механизм. А сердце, как неразорвавшаяся бомба.

— На каталку. Седьмая родовая. Готовьте операционную. Возможно, пойдём естественным путём — посмотрю по раскрытию. КТГ, капельница. Анестезиолог где?

— На кесаревом.

— Хорошо. Я сама.

Я смотрю на Алексея:

— Ты не заходишь. Жди здесь.

Он открывает рот, я не даю ни секунды.

— Она моя пациентка.

Он кивает. Он весь в шоке. Оцепенел. Лицо как будто и моложе, и старше сразу.

Я поворачиваюсь. Закрываю за собой дверь.

И падаю. Внутри. В боль. В черноту. Но я не имею права. Ни на боль, ни на себя.

Она трясётся. Смотрит на меня, как на спасение. Хватает за руку.

— Лешенька... не уходи... пожалуйста...

Осторожно освобождаю пальцы.

— Его нет. Здесь я. Я помогу.

— Мне страшно... Я не знаю, как...

— Я покажу. Дыши вместе со мной.

Она девочка. Уставшая, измученная, но сильная. Губы искусаны в кровь. На лбу пот. Ногти с облезшим лаком. На запястье татуировка: Only Love.

Я знаю это запястье. Я видела его на фото в телефоне у Алексея. Когда мы ещё были... до развода.

Я принимаю у неё роды. Я между ней и болью. Я — щит. Я — врач.

Она кричит. Корчится. Сдавливает живот, как будто хочет выдавить из себя весь ужас. Я контролирую сердцебиение, оно проседает. Тихнет. Сердце замирает вместе с монитором.

— Потуги будут. Готовься.

— Я не могу... я не справлюсь...

— Сможешь.

И в этот момент я ненавижу себя. За силу. За хладнокровие. За то, что я — не она.

Тридцать пять минут. Крик. Потуги. Голова. Плечи. Горячее, скользкое чудо у меня в руках. Он кричит. Живой.

— Мальчик. Три семьсот. Сам дышит.

И я смотрю на него внимательно, словно это не чужой для меня ребенок. Нос. Скулы. Лоб.

Он — вылитый Алексей. Маленький двойник.

Меня подкашивает.

Я должна положить его ей на грудь. Я должна сказать «поздравляю». Я должна улыбнуться.

Как много “должна” в том, чего делать совершенно не хочется.

Я кладу его осторожно. Словно стеклянного. Она рыдает и смеётся, целует его в макушку, повторяет:

— Мой мальчик... мой малыш...

А я не могу ни плакать, ни смеяться. Я просто стою. Окаменевшая. Уставшая.

Позже выхожу, стягивая со своего лица маску. Губы плотно сжаты, хочется упасть прямо на этот холодный кафельный пол бежевого цвета и разрыдаться от несправедливости мира. Только разве кому-то есть до этого дела?

Почему вообще судьба решила, что я способна пережить это и принять у нее роды? А я ведь смогла...

Хотя именно к ней он ушел от меня, поставив жирную, уродливую и черную точку.

Он ее поставил не только в нашем браке, он ее чернилами вычертил на моем сердце и душе.

Алексей подскакивает, будто током ударило.

— Варя... — он не подходит слишком близко, но расстояния достаточно, чтобы захлебнуться в своих ощущениях от его присутствия.

Не думала, что мы когда-то увидимся вновь, тем более при таких обстоятельствах.

Я поднимаю глаза.

— Всё хорошо. Живы. Мальчик. Поздравляю.

Говорю, как робот. Машинально и стандартизировано. Боюсь, что голос сорвется на ноты, которые ему слышать не нужно.

— Ты... ты спасла их...

— Я просто делала свою работу.

Он хочет что-то сказать. Делает еще один шаг в мою сторону, и пространство между нами начинает сужаться, отчего воздуха в моих легких становится меньше.

Желание сбежать нарастает с бешеной скоростью. Но я ведь врач... А не женщина, которую растоптали и сделали больно.

— Уходи, Алексей. У меня следующая пациентка.

Он отступает. Один шаг. Другой. Исчезает.

А я поворачиваюсь и иду обратно. В родзал. В кровь. В боль. А потом радостные крики и первая встреча с младенцем.

Потому что мне нельзя падать.

Я — врач. Я — Варя Лунина. Я опустошена и выжженна дотла. Но я всё ещё стою.

Непонятно только как.

Глава 2. Варвара

Пол года спустя

Духота стоит неимоверная. Даже квартира с окнами на обе стороны не помогает воздуху циркулировать. Точнее он разгоняется, но вместо желанной прохлады ты получаешь лишь теплый воздух, которым обдувает мебель.

Выходной. А на часах семь.

Я просто неисправима, это уже заведующая насильно отправила, потому что насилую себя работой. Но как тут оставаться в стороне, когда такой поток?

Роддом ближайший к нам закрылся на проветривание, все экстренные роды во всём районе у нас. Доходит до такого, что даже те, кто на контракте не могут попасть в свои платные палаты. Мест просто нет.

И да, летний период всегда жарок, а график закрытия роддомов мы знаем заранее, но ты никогда не поймешь, сколько рожениц привезут сегодня. Может быть двадцать пять родов за ночь, и ты живешь в родильном, стоя у кресел, принимаешь новые жизни, помогая им увидеть этот свет. А может быть три-четыре роженицы, и у тебя есть даже время на то, чтобы отдохнуть и поесть.

От коллег только и слышится, как Лунина себя замотала. Сумасшедшая. Что у нее жизни своей нет, что ли?!

И нечего с ними спорить. Собственный размер и вправду стал меньше, лицо худое, а глаза... Они просто тусклые, как их ярко не накрашь — это не поможет. Ну а, моя жизнь — это работа.

Я живу в сорока минутах езды от роддома, специально выбирала квартиру поблизости очень давно, когда была ординатором. И пусть это не модная новостройка, а вторичка. Ремонт, который я наспех сделала, меня вполне устраивает. Избавилась от обоев, просто покрасив стены в светлую краску и добавив света внутрь. Оборудовала в кладовке небольшую гардеробную с обычными штангами и полками, а кухню купила готовую в обычном гипермаркете мебели.

Скромно, да.

Когда-то я жила иначе, у меня были эти все блага, которыми сейчас хвастается каждый второй, демонстрируя свою красивую жизнь. Однако разве это все важно? Как люди не понимают, что есть иные ценности, не имеющие стоимости и чека. Почему для них важнее маленькое название кричащего бренда, вместо того, чтобы быть человеком?

Безусловно, это ярлыки, которые я сейчас смело навешиваю. Просто в моей жизни из того общества, я видела мало тех, кто мог бы похвастаться хорошими человеческими качествами.

Та жизнь, она сейчас воспринимается мной, как нечто нереальное. Будто я попала в альтернативную реальность и приняла её за чистую монету и единственную возможную жизнь.

Мой бывший муж — бизнесмен с идеальной родословной и желанием своей семьи, чтобы все было исключительно идеально. Потому то, что у меня имелось — было не мое, а человека, которого я полюбила. Мы прожили три года, и для меня это было счастливое время.

Я влюбилась как девчонка, несмотря на то, что после работы он абсолютно не любил выходить в люди, ему привычнее было провести время вдвоем. А мне напротив хотелось погулять, съездить куда-нибудь, увидеть что-то новое. Но он, если видел, что мне хочется, то никогда не отказывался. Организовывал наш досуг и был рядом. Держал за руку, целовал в макушку, обнимал и бесконечно фотографировал, тихо посмеиваясь надо мной.

Боже.

Для меня, девочки-отличницы, которую воспитывал дед, это было как в кино. Как в сказке, о которой я даже подумать не могла. Мы были жутко разные, от проявления эмоций до принятия решений о цвете дивана, но именно в этом заключался наш крепкий союз.

Так я думала раньше.

Теперь от моего брака остались лишь воспоминания и Тойота, которую он мне подарил на годовщину несколько лет назад.

Его предательство стало ударом ниже пояса, в спину, в грудь, в сердце. Это был удар током, который парализует все твои органы. Всю тебя. Трясет и ломает, ты словно даже слышишь хруст собственных костей и чувствуешь характерный запах гари, но продолжаешь смотреть в его глаза в поисках того, что это была шутка.

Но нет. Он разлюбил меня и встретил ту самую. Так он сказал.

Он хочет развод. Это была следующая фраза.

А твоё рваное дыхание в попытке не задохнуться в этот момент и рассыпающийся пол под ногами, который отправляет тебя в бездну, его больше не волновали. Он все решил. Как настоящий бизнесмен расторгнул очередную сделку и готов к следующей.

Цинично. Грубо. Жестко.

Зато правдиво, как после этих слов я буду себя успокаивать. Но это до той поры, пока я не увижу их фотографии в его телефоне, осознав, что он сообщил мне новости не сразу.

Так, моя сказка превратилась в новую жизнь, где я разведена в тридцать один год, пропадающая на работе и не желающая новых отношений.

Да, и забыла добавить, что ко всему прочему, пол года назад мне пришлось принять роды «той самой новой любви» и помочь их сыну появиться на свет.

Как такое возможно?!

А это видимо судьба послала мне справиться с очередным испытанием, или проверяла, как я пережила свою боль. Действительно ли, или наивно уговариваю себя, что смогла.

Встаю, наконец, с постели, откидывая мысли и подумывая, чем займусь в свой заслуженный выходной.

Пока из необходимого — кофе. Иду на кухню, попутно завязывая волосы в высокий хвост. Но не успеваю достать даже турку, потому что слышу звонок домофона.

Хмуро смотрю на время, семь ещё даже не стукнуло. Бывает конечно, звонят, просят впустить в подъезд, но в нынешних реалиях я просто отключаю звук и не реагирую. Хотела бы я помочь, да только как быть уверенной, что ты не впускаешь какого-нибудь мошенника.

Внутри разрастается тревога, пульсирует где-то в животе. И это странно, учитывая то, что я дома и никаких планов у меня нет. Но я привыкла доверять своей интуиции, не исключая, конечно, достоверных фактов.

Ноги сами собой ведут меня к домофону. Снимаю трубку, и в этот момент ещё даже не поднеся её к уху, я слышу пронзительный детский плач.

Скорее даже ор.

Мгновенно включается врачебная заправка. И я даже вслушиваюсь в крик ребенка. Явно маленький, грудной.

— Варя... — тут же сокрушенным хрипом раздается в трубке.

Застываю. Сердце в груди перестает качать кровь. Кажется, будто резко упал ферритин, и сейчас анемия свалит меня в обморок.

Крепко сжимаю пластик домофона.

Этот голос преследовал меня первый год, повторяя те слова, которыми он беспощадно кромсал меня.

— Помоги, прошу...

И я обескураженно стою перед выбором.

Сделать так, как поступаю обычно, выключив звук и оставив трубку болтаться на проводе. Или снова впустить его и помочь, как и полгода назад с холодным разумом и проявлением, исключительно, врачебной этики.

Визуализация героев

Дорогие наши, добро пожаловать в нашу новинку.

Мы всем очень рады ##

Предлагаем познакомиться с новыми героями!

Варвара Сергеевна Лунина

Возраст:31

*Профессия:*Акушер-гинеколог, работает в городском роддоме, дежурит в экстренной бригаде

Характер:

Сдержанная, с крепким внутренним стержнем

Спокойная в экстренных ситуациях, эмпатичная

Честная, но не резкая

Сильная, но с уязвимостью: когда любит — то полностью

Была замужем за ГГ в течение 3 лет, развелись 1,5 года назад

После развода ушла в работу, почти не отдыхает, не пытается строить новые отношения

Очень тонко чувствует людей — интуиция, спокойствие, опыт

Дети всегда тянутся к ней

Алексей Олегович Вершинин

Возраст:35

*Профессия:*Архитектор, есть свой бизнес

Характер:

Интроверт

Склонен к рациональности, подавляет эмоции

Очень ответственный, но не умеет разбираться в чувствах

Из семьи с «правильными» установками: брак, дом, стабильность, дети — всё по плану

Дорогие наши, если вам понравилась история, оцените звездами, пожалуйста ## ## ##

Давайте наберем 300 звезд #, и мы выложим сразу следующую главу)

Нам будет очень приятно ##

Глава 3. Варвара

Он стоит с ребёнком на пороге моей квартиры, на фоне сизого рассвета и ветхой плитки подъезда. Он знает адрес, потому что когда-то забрал меня отсюда в свой дом, назвав своей женщиной.

Я даже помню с каким стремлением упаковывала чемоданы, чтобы скорее оказаться к нему еще ближе, почти что врасабли в него.

Это именно та ошибка, какую допускают многие женщины. Нельзя так... растворяться в мужчине. Они не ценят этого, привыкнув к тому, что ты всегда нежная, покорная и любящая. Находят кого-то более непредсказуемого и уходят от тебя, оставляя не просто разбитое сердце. Они оставляют после себя страх, что так теперь будет с каждым мужчиной в твоей жизни.

На его рубашке пятно — скорее всего, от смеси. В глазах пустота. А в руках малыш, кричащий так, будто его мир рушится.

Меня снова накрывает тот самый глухой звон в ушах, как тогда, полгода назад. Только теперь это не кровь приливает к лицу, а будто её откачали всю. Ладони становятся ледяными, а сердце... оно сжалось до размеров детского кулачка. Того самого, который сейчас дёргается в воздухе, в попытке помочь себе от сильно плача.

— Диана... — голос у Алексея дрожит, едва уловим между всхлипами младенца. — Она попала в аварию. На днях. Сейчас в коме.

Он произносит это, как приговор. Без подготовки. Без паузы. Просто выкатывает, как есть. Глухо, будто сам не верит в то, что говорит. А я стою и не чувствую ног. И вообще ничего не чувствую.

Как я должна отреагировать? Будет ли уместно мое сочувствие при условии того, что эта девушка кувыркалась в постели с женатым мужчиной?

Кстати, это был мой муж.

Но я же не тварь... И смерти не желала.

В коме. Молодая, красивая, яркая. Женщина, ради которой он ушёл. Женщина, у которой я принимала роды. Женщина, у которой родился этот... этот крошечный человек, кричащий сейчас на грани сил.

Может это карма? Прилетел бумеранг?

Трясу головой, чтобы откинуть подобные мысли прочь. Я не должна быть судьей. Это не моя роль в этой жизни. Я помогаю деткам появиться на свет, мне неважно, кто рождает, мне важен маленький человек.

— Я был в Питере в командировке, Елисейка у бабушки, — продолжает он, чуть сжав плечи. — Она ехала по делам, там вылетели на встречу... Удар. Травма головы. Сразу в реанимацию. Врачи говорят, стабильная... но шансов... мало.

Зачем он все это мне говорит?

Внутри поднимается истерика. Голова хочет найти хоть один правильный ответ, но там все неправильные. Какие-то уродливые, местами даже жестокие.

Я опираюсь спиной о стену, опуская голову вниз. На пальчиках больше нет свежего педикюра, как раньше. Просто потому что я пропадаю на работе день и ночь, а вне роддома я сплю дома, накрывшись тяжелым одеялом.

Вот и вся моя реальность.

Он замолкает. Смотрит на меня.

Я вновь поднимаю взгляд, устремляя его прямо на ребенка. Он красный, раскричавшийся, отчаянный. Маленькие кулачки дрожат, личико сморщено от ужаса.

— Мне нужно в больницу, — тихо, почти извиняясь. — Поговорить с врачом, передать кое-что. Моя мать не справляется, она плачет и не спит вместе с ним. Няня ушла ещё вчера,

сказала, не выдерживает. Он не ест с бутылочки, не берёт смесь. Я не знаю, что с ним делать, Варя. Он не замолкает.

Я всё ещё стою. Молча. И чувствую, как сжимаются мышцы на шее, как горло будто в тисках. Потому что это несправедливо. Неправильно. Невыносимо.

Он стоит на моём пороге, с её сыном, которого я извлекла на свет из её тела, сжав своё сердце в кулак. Сыном, которого он нёс к новой жизни, пока я собирала себя по кускам. Сыном, ради которого я не спала ночами, вспоминая его крик и схожесть с его отцом. Сейчас этот ребёнок снова в моей жизни. Прямо вот. На пороге.

— Ты не подумал, что мне может быть... сложно? — выдавливаю наконец, чуть хрипло. Кивает. Но ничего не говорит.

— Мне нужно хотя бы на день. Хотя бы пару часов. Я не знаю, к кому ещё идти, — он уговаривает тихо, не давит, но в голосе — надрыв. — Я не спал трое суток. Я держу его и не понимаю, как жить дальше.

Малыш плачет уже на вздохах, захлёбываясь. Голос у него садится. Всё лицо мокрое. Маленькие веки слипаются от слёз. Он тянет ручки в пустоту, будто ищет кого-то, кто знает.

Алексей смотрит на меня с надеждой. А я смотрю на вздрагивающее тельце. На крошечную, родимую точку, как у Леша. И не выдерживаю.

Шаг. Второй. Осторожно забираю малыша из его рук. Он горячий, трясущийся, разъярённый.

— Всё хорошо. Всё-всё, — шепчу почти машинально, прижимая его к себе.

Он дергается в начале. Кричит в ухо. Но я уже знаю: положить на грудь, гладить по спине ровно, по кругу. Одна ладонь — под шею. Другая — на пяточку. Ровное тепло, ровное дыхание.

И спустя несколько минут он затихает.

— Варя... спасибо.

Я качаю головой.

— Я не знаю, зачем ты пришёл именно ко мне.

— Потому что ты единственная, кто знает, как удержать нас обоих на плаву. Пусть даже на один день.

Я смотрю на него долго. Молча.

— Принеси всё, что нужно. Смесь. Памперсы. Пелёнки.

— Хорошо. Я быстро. Через пару часов вернусь.

Он оборачивается и уходит. Не хлопает дверью. Уходит почти беззвучно.

А я остаюсь. С чужим, но уже таким знакомым ребёнком в руках.

И только сейчас понимаю, что дышу, как он. Ровно. Мягко. Как будто в такт.

Он не плачет. Дышит глубоко, прерывисто. Голова на моей груди. Его дыхание щекочет сквозь ткань футболки. Ладонка, совсем мизерная, сжимается в кулак и снова расправляется. Как будто сердце у него в ладони.

Я не двигаюсь. Просто стою посреди прихожей с ребёнком, к которому не имею никакого отношения. И в то же время — имею всё.

Я прохожу в комнату, медленно, почти скользя. Осторожно сажусь на диван, не выпуская его из рук. Он утыкается лбом в моё плечо, тёплый и крохотный. Запах — смесь молока, присыпки, кожи и страха.

Я вспоминаю, как он родился. Как она кричала. Как я ловила его в ладони. Как сердце тогда пропустило удар, когда увидела его лицо. Вот эти ресницы, эти щёки, этот лоб.

— Ты же тогда сразу заплакал, — шепчу ему, слегка качая. — Кричал на весь родзал. Помнишь?

Он не отвечает. Конечно. Но я говорю.

— А потом ты замолчал. Когда я положила тебя на грудь матери.

Пытка. И я сама себе палач.

Глава 4. Варвара

Вершинин отправляет кого-то из своих с вещами малыша, а сам появляется спустя три с небольшим часа.

За это время стараюсь не думать о том, что я творю, я покормила его сына и вновь убаюкала. Так как отсутствуют блага для малыша, пришлось соорудить на кровати защиту из подручных средств.

Когда Леша звонит в домофон, я вихрем несусь к трубке, чтобы он ненароком не разбудил Елисея.

Открываю замок и готовлю всю ту речь, которую проговаривала несколько раз про себя.

— Варь, — начинает он, только войдя в мою квартиру, на что я ему показываю тихо.

— Сюда, — указываю ему на дверь во вторую комнату.

Он разувается, что выглядит абсолютно странно. В дорожном костюме, с часами, которые вероятно стоят как пол этой квартиры, и семейным перстнем на пальце. Помню его ещё со времен нашего брака.

Прохожу, скрещая руки на груди. Понятное дело, что халат, в котором он застал меня врасплох я уже сменила на домашний костюм. А из-за того, что его сын срыгнул немного смеси на мою футболку, пришлось одеть не комплект.

— Что ты хотел сказать? — твердо спрашиваю, стараясь не показывать того, что внутри меня полное отсутствие понимания, осознания... да я вообще сама не ведаю что делаю, черт возьми.

Этот человек изменил мне. И его полугодовалый ребенок сейчас спит в моей кровати.

— Я не знаю, как тебя отблагодарить, — хрипит он, явно осознавая ужас всей ситуации. А я собрана. А мне больше не больно.

И в этот момент сердце пропускает удар, потому что он вдруг подходит ближе, нарушая мое личное пространство.

— Стой, — выпускаю руку вперед.

Это мое личное пространство. И он уже за последние полгода нарушает его дважды. Но моя человечность вероятно меня добьет.

— Леш, ты ошаршил меня своим появлением. Я... — вдыхаю поглубже: — Сочувствую тебе, что ты оказался в такой ситуации...

— Варвара, я правда, не представляю, к кому я мог обрати...

— Явно не ко мне, — перебиваю его: — Твой ребенок безусловно не заслуживает таких страданий, а я, как врач... Я не могу отказать в помощи. Но я очень надеюсь, что ты не будешь пользоваться моей добротой, — заканчиваю свою речь.

Горжусь тем, что стою сейчас, высоко подняв подбородок. Хотя, видеть эти глаза, полные боли. Чувствовать мужчину, в котором ты когда-то растворилась и безоговорочно верила. Осознавать ту трагедию, в которой он оказался.

Да, его жена не умерла, но кома... порой похуже смерти. Потому что она дает надежду, и в то же время ты не имеешь её. Это лишь нечто эфемерное, наблюдать за человеком, который вот-вот может очнуться, говорить с ним, продолжать видеть его живым... а в один момент, понять, что нет, этого не случится. Это как прожить потерю дважды. И я бы никогда не пожелаала этого никому. Даже тому, кто сделал мне больно. Кто буквально отправил в кому меня, переживать боль, отключившись от мира. Борьба с собой и последствиями собственной любви.

— Варь, скажи мне, что сделать, — он все таки делает ещё шаг, а я машинально отхожу назад.

В этот момент в соседней комнате раздается плач, и мы оба теряем нить разговора. Я переживаю, что если малыш уже готов к тому, чтобы переворачиваться, он может упасть с кровати. Алексей, вероятно, все же соскучился по своему сыну.

Аккуратно подхожу к ребенку, улыбаясь.

— Ты хорошо поспал? — беру его на руки: — А вот и папа, смотри, — передаю его в руки Леше.

Он берет его как нечто хрупкое, что-то очень ценное. Улыбается и оставляет поцелуй в крошечный лобик.

Картина полная умиления и любви.

А мое сердце в этот момент останавливается. Я прекрасно знаю, как это выглядит со стороны. Я слишком часто вижу это на партнерских родах...

Семья. Вот как это выглядит.

Тру место под грудью, чувствую как задыхаюсь и сглатываю сухую, дерущую рот, слюну. Потому что мы как раз не семья. Мы не смогли стать ей.

Я встретил другую. Я хочу развестись.

Снова его слова громким набатом стучат в голове, сдавливая виски. Отхожу от них, на кухню, ладонью ища опору у стены. А на кухне дрожащей рукой наливаю воды в стакан. Пытаюсь сделать несколько мелких глотков, чтобы смочить горло, чтобы вернуть самообладание, чтобы быть той, кем была до его появления сегодня.

— Варя, — он появляется с сыном на руках, наблюдая, как я жадно глотаю воду: — Ещё раз спасибо... Я найду няню для Елисея и не потревожу тебя... — Алексей смотрит в глаза, будто видит меня впервые.

Словно хочет что-то сказать, но молчит.

Правильно.

Тут же кричит сознание на его слова. Потому что ты ему не нужна. Он ведь тебе четко это тогда сказал.

Ставлю стакан на стол и киваю. Сердце за ребенка обливается кровью, потому что для него тяжелый стресс — отсутствие мамы и появление нового человека, с новым запахом, новыми привычками и прочим, принятие будет более болезненным и долгим периодом.

Но Елисей справится, я верю в это.

Как раз в маленьком возрасте нянь им принять легче, однако, мама ребенка должна быть рядом. Правда, в ситуации Вершининых, безусловно, иные обстоятельства.

— Надеюсь, у вас всё будет хорошо. — чуть громче, чем шепотом, отвечаю я.

Он кивает, так и не сводя взгляда, а затем двигается на выход. Иду за ними, наблюдая моську малыша, что вертится, пытаюсь рассмотреть все и выглядывает из-за плеча Алексея. Улыбаюсь ему сквозь тяжелые давящие эмоции, исходящие, кажется, и от меня и от Вершинина.

Глава 5. Варвара

Внутри какое-то опустошение, но я не даю эмоциям взять вверх. Конечно, я привязалась к малышу за весь день, Елисей — замечательный ребенок. Пускай он еще совсем мал, но уже в младенчестве прорезается характер и повадки.

Он мне напоминает Алексея, и я благодарна, что в нем так мало от той женщины. Иначе бы я не вынесла эту муку.

— Варя, еще раз спасибо. Правда, прости, что потревожил тебя, но ситуация безвыходная была. Хотя она и сейчас такая.

Я не хочу его жалеть, ведь когда он вставил нож мне прямо в сердце о жалости совсем не думал. Или он думал, раз честно обо всем рассказал, то и грех на себя не взял?

Мне же не легче, честно это было сказано или бы я узнала как-то случайно. Больно одинаково. Правильно мама говорила, что последнее дело женщины — это растворяться в мужчине.

Нельзя. Но разве когда ты молод важны чужие советы, даже если они мудрые? Нет. Сам ступаешь по этим граблям, расшибая лоб в смятку и до крови. А потом чинишь и чинишь...

Себя.

Елисейка обнажает беззубый рот, расширяя глаза. На секунду мне даже кажется, что малыш хочет напоследок мне улыбнуться, но я горько ошибаюсь, когда его надрывный плач разрывает пространство.

Он кричит с такой силой, что хочется прикрыть краем ладоней уши, чтобы перепонки не лопнули от перенапряжения.

— Стой, — обеспокоенно окликаю Алексея, подлетая к ним. Прикладываю губы ко лбу Елисея, а потом молча забираю малыша из рук бывшего мужа.

— Что такое, Варя?

— Температурит.

Одной рукой держу кричащего Елисейку, а второй рыскаю по пластиковому большому контейнеру, который величаю аптечкой.

— Где-то был термометр.

Надсадно пишу, пытаюсь найти его. Когда не надо, он мозолит мне глаза. А тут взял и пропал!

— Тихо-тихо, — я укачиваю ребенка на руках, а у самой нервы достигают пика. Переживаю, потому что он совсем маленький и сказать о том, где и как болит, не может, — Сейчас, Елисей. Подожди.

— Варь, давай в аптеку сбегаю. Скажи, что взять?

— Нурофен детский. Сироп. Или свечи — Цефекон, по-моему, до года подходят. Уточни обязательно у фармацевта. И что-то для носа, Аквамарис, физраствор.

Термометр так и не нахожу.

— И термометр, — кричу уже вслед, когда Алексей ступает из кухни.

Я не смотрю на него, не поднимаю глаза. Только прижимаю Елисея к себе крепче. Он жмурится, надсадно хрипит — горлышко, наверное, болит. Щечки горят, кожа как обожжённая. Внутри всё клокочет. Страх, жалость, злость на него, на неё, на себя.

— Хорошо. Я быстро. — Алексей торопливо накидывает куртку и выходит.

И снова — мы вдвоём. Я и чужой ребенок. Но почему-то таким он не кажется, и я безумно переживаю за свои чувства и эмоции. Последнее, что мне хотелось бы — это привязываться к чужому ребенку.

Тем более ЕГО ребенку от другой.

В квартире тихо, как в аквариуме. Только его всхлипы и моё укачивающее "ш-ш-ш".

— Потерпи, маленький, — шепчу я ему в макушку. — Скоро всё пройдет. Только не плачь так. Ну пожалуйста...

Никто так никогда меня не слушал, как этот мальчик, который вцепился ручонкой в мой палец, будто это и есть его единственный якорь в этой вселенной. Он дрожит. Температура, страх, или просто ищет тепла.

Я кладу его на импровизированный пеленальный стол, который на самом деле мой деревянный очень удобный комод. Дрожащими руками всё-таки нахожу термометр в небольшой косметичке красного цвета, где лежат тампоны и обезболивающее на случай болей при ПМС.

Вставляю аккуратно ректально, приговаривая:

— Сейчас узнаем, милый. Сейчас поймем, с кем имеем дело.

Он затихает. Только всхлипы по инерции. Градусник пищит. Тридцать девять и один. Меня пробивает волной.

Осторожно беру его на руки, прижимаю к груди, будто это может вытянуть жар.

— Алексей, быстрее, пожалуйста... — шепчу в пустоту.

Леша прибегает довольно быстро, весь взлохмаченный и ужасно уставший. Внутри, очень где-то глубоко и чисто по-человечески мне его очень жалко. Его любимая женщина в коме, а ребенок требует тепла и маму.

Я объясняю Алексею, что вызвала своего знакомого педиатра, он уже едет и скоро будет здесь. Сама же аккуратно пытаюсь напоить Елисейку сиропом, чтобы снизить жар.

В какой-то момент малыш перестает кричать, сам устав от шума. Он засыпает, но перед этим просится вновь ко мне на руки.

В моей жизни происходит какая-то демо-версия материнства, я полностью собрана и сама для себя понимаю, что готова стать мамой. Но тема оказывается жутко болезненной, потому я прячу ее далеко в глубинах своего сознания.

— Варь, я опять скажу... Потому что безмерно благодарен. Спасибо тебе!

Мне хочется как-то пошутить, чтобы снизить градус обстановки, но ничего путного на ум не приходит.

— Давай я тебя хотя бы чаем угощу.

— С удовольствием. И не отказался бы от хоть какой-то еды, весь день на ногах. Не сочти за бестактность.

Я машу рукой, мол забей. Достāju хлеб, колбасу, масло и сыр. Ставлю чайник.

— Справишься дальше сам? — отдаю все ингредиенты для бутерброда ему в руки, — Боюсь Елисейка проснется, если я его обратно на кровать положу.

— Конечно.

Оставаться с ним на кухне мне не хочется, потому что за эти сутки бывшего мужа в моей жизни стало слишком много. Я не выдерживаю и прячусь в спальне, ожидая врача. Он взрослый мужчина и вполне позаботится о себе сам, я не должна его обслуживать и быть вежливой.

Хотя меня так воспитывали, я больше не хочу быть удобной девочкой, об которую вытирают ноги.

Слишком показательным и болезненным был урок. Усвоила до конца жизни.

Дорогие наши, спасибо большое за вашу активность! Мы очень ценим это ##

Приглашаем вас в эмоциональную и яркую новинку Тани Поляк. Книга выходит в рамках нашего литмоба)

<https://litnet.com/shrt/PwC4>

Глава 6. Варвара

Пока педиатр в пути, а сироп ещё не начал действовать, прикладываю компрессы малышу и обтираю его прохладной водой. Вершинин неподалеку громко дышит, ждёт вместе со мной и без конца отвечает на звонки. Видимо по работе.

Стараюсь не вслушиваться, да и если честно, помимо того, что это не мое дело, я сама теряюсь в своих мыслях.

— Как вообще дела, Варь? — вдруг слышится вопрос в спину.

Рука с влажным полотенцем в руках замирает.

— В порядке, спасибо, — коротко отвечаю, не желая, чтобы этот разговор продолжался.

— Ты там так и работаешь? — следом летит.

— Посмотри за Елисеем, мне надо освежить полотенце, — перевожу тему, оглядываясь на Вершинина.

Он тут же кивает и встает, глаз своих давящих не спускает. И чего спрашивается хочет?!

Зачем пытается быть вежливым? Я и так откликнулась на просьбу, хотя обещала себе, что не буду пытаться всех спасать, всем помогать... достаточно той профессии, которую я имею.

Да и наши отношения с Алексеем — это отдельная, законченная история.

Он сам ее закончил, по правде. А мне пришлось смириться. Говорят в отношениях всегда один любит больше, чем другой.

У всех по-разному, где-то женщина, где-то мужчина. Я знаю, как было у нас.

Наивная девчонка, встретившая принца, была поглощена его мужественностью, тем как красиво ухаживал, ненавязчиво, но упорно и с присущей ему хваткой. Было такое ощущение, что он задался целью и абсолютно не видел препятствий.

Но ведь прежде, чем сдаться и упасть в этот омут, я боялась. Разницы в наших мирах, его семья, вся наполненная благородством, предками, то ли учеными, то ли кем-то ещё.

И ведь не зря боялась. Потому что как выяснилось, его интерес угас гораздо быстрее, чем я даже успела опомниться. Как ни странно, но наша любовь, если можно вообще так сказать с его стороны, прожила три года.

А потом с ним случилась Диана. А через год со мной она же со слезами на глазах держала своего сына передо мной. А теперь спустя полтора после нашего конца их сын в моей квартире.

Нет. Это даже не насмешка судьбы, это что-то другое. Более уродливое и сложное.

Собираюсь с духом, гоняя эти мысли в собственной голове, и выхожу из ванной.

— Как он? — спрашиваю сходу, лишь бы только не говорить на иные темы.

Вершинин никаким образом не должен видеть, что отнял мои мечты. Я не могу быть перед ним уязвимой, а главное больше не хочу.

Тогда, услышав о разводе, я не сдерживала эмоций. Я отпустила, но сгорела живьем. Подставляя свое сердце в огонь, а вместе с ним и надежду на долго и счастливо, на семью, на то, чего у меня не было. Мама ушла из жизни слишком рано, чтобы научить меня как справляться с подобным, отца я не знаю. Воспитанием пока был жив, занимался дедушка, а квартиру эту выделило государство.

Вся моя жизнь с появлением властного Вершинина Алексея стала другой. И дело отнюдь не в материальных благах.

— Не плачет больше, — хрипит мужчина, а вид жутко уставший: — Мне кажется хочет уснуть...

— Пока нельзя, педиатр должен осмотреть...

— Варь, — Алексей подходит ближе: — Ты невероятная...

Дура.

Продолжаю я про себя. Потому что невероятна я лишь по той причине, что впустила снова его в свою жизнь. Пусть и с другими установками, но разве сердце подчиняется разуму? Разве способно принять единственную истину, которую мозг сейчас транслирует себе самой?

Если откровенно проверять и узнавать ответы на эти вопросы не хочется.

Только я собираюсь ответить Вершинину, как в этот момент звонит домофон.

— Наверное, педиатр. — спохватываюсь я.

А спустя буквально полчаса осмотра, нескольких крупных слез Елисея, мы узнаем, что это режется первый зуб этого богатыря.

Улыбка не сходит с моего лица, потому что момент мне кажется крайне волнительным, но скорее потому что я ещё не стала мамой. Алексей реагирует как и положено, задаёт вопросы, что делать в таких случаях, как сбивать температуру и к кому бежать.

Стараюсь даже мысленно себе не договаривать, что ему идет быть отцом. Пускай, он явно не был готов остаться один на один с младенцем.

— Ну что ж, — встает Кирилл, переводя глаза на нас обоих: — Ничего опасного, не стоит паниковать. Все рекомендации я написал, если что можно мне позвонить, номер тоже указал, — как-то странно смотрит на Вершинина, а тот сдержанно кивает: — Варвар, можно тебя на минутку? — добавляет уже в конце, когда я одними губами шепчу ему “спасибо”.

Еще одна супер эмоциональная новинка в рамках нашего литмоба:

<https://litnet.com/shrt/P171>

Глава 7. Варвара

— Если тебя держат в заложниках, моргни два раза, — Кирилл неуместно шутит, но я все равно нахожу в себе силы улыбнуться ему. Он всегда такой, расслабленный и немного дурашливый. А у меня за сегодня просто уровень напряжения достиг пика, но ничего, с этим я справлюсь, — Кто этот мужчина? Что он делает в твоей квартире? И чей это ребенок?

— Воу, Кирилл, — выставляю руки вперед, отбиваясь от его вопросов, — Ты звучишь как ревнивый муж.

— Пытаюсь понять в безопасности ли ты.

— Конечно, — киваю, прячу горькую улыбку. Физически я в безопасности, а вот моя душа совершенно точно под прицелом. Алексею даже делать ничего особенного не нужно, достаточно того, что своим присутствием он напоминает о причиненной боли. Что ж... Я не терпила, но потерплю.

Ради Елисейки.

— Это мой бывший муж, — тут же добавляю, — Ситуация комичная, но и трагичная. Даже не знаю, как эту пьесу в двух актах уложить тебе за минуту.

— Тот самый бывший муж? — Кирилл тут же хмурит брови, буравя меня взглядом, словно у меня было несколько мужей, кто разбивает мне сердце.

— Да, тот самый.

Кирилл складывает руки на груди, внимательно на меня смотря. Не знаю, что он думает, но меня давно перестало интересовать чужое мнение.

Зачастую люди его высказывают не для того, чтобы помочь, а чтобы потешить свое эго. Мало кому на самом деле интересна твоя жизнь и проблемы, но человек упорно делает вид, что пришел с благими целями. На самом деле цель прихода — набить себе самооценку.

Кирилл, конечно, не из тех. Я не глупая, чтобы не заметить его интерес ко мне... как к женщине. Поэтому он, как настоящий хищник, прощупывает территорию.

Но я не точно не та самка, за которую стоит биться. Никакие отношения меня сейчас не интересуют, и нет, я не ставила крест на своей личной жизни. Я дала себе время понять, а что хочу дальше.

Какого мужчину видеть рядом, какую семью построить, какой формат отношений меня вообще устраивает. Такой довольно прагматичный подход помогает избежать боли.

Я тревожный тип в отношениях, мне важно, чтобы меня любили. И открыто показывали свои чувства.

С Лешей так не было. И повторения я не хочу.

— Кирилл, есть вещи, которые сложно понять, — я кладу руку на плечо друга, — Но этот малыш... Он замечательный. Неважно, кто его мать или отец, мое сердце к нему тянется. Поэтому я помогаю. И дело совершенно не в его отце.

— Не привязывай к ребенку, Варь. Он чужой.

— Я знаю.

Сама себя прекрасно в этом убеждаю и постоянно напоминаю.

— Если хочешь своего, выходи за меня, — тут же добавляет.

Так, ну все, наш разговор снова сворачивает не в то русло, и я аккуратно торможу Кирилла.

Не знаю, какую часть разговора слышал Алексей, но он точно не из тех мужчин, кто будет подслушивать. Однако, его силуэт, стоящий в конце коридора, я замечаю только сейчас.

В руке бутылочка со смесью, глаза абсолютно пустые и уставшие.

— Варь, Елисей уснул. Я заберу его, и мы поедem.

— Хорошо, — киваю чуть заторможено. Непонятное ворочащее нутро инородное тело, разбирает где-то в районе сердца. Я машинально кладут туда руку и почесываю то место, чтобы убрать назойливую вибрацию, — Я помогу собраться.

Разворачиваю к Кириллу, благодарна улыбаясь.

— Я позвоню тебе, сходим выпить кофе на неделе.

Кирилл — умный мужчина, которому объяснять и уж точно повторять дважды не нужно. Он прекрасно понимает мой намек, наспех надевает куртку и кроссовки. Целует меня мимо-летно в щеку, желая крепкого сна. Жмет руку Алексею... И уходит.

Я сбегая в спальню, быстро упаковывая все вещи Елисея, которые за меня Кирилла, мы вновь достали из сумки.

На ребенка не смотрю, хотя шея зудит от желания повернуться в сторону кровати и краем глаза хотя бы запечатлеть в себе его личико.

— У вас с ним какие-то отношения?

Я даже не сразу понимаю, что вопрос адресован мне. Настолько возмутительным он кажется. Леша по каким-то причинам лезет через колючую проволоку моих личных границ.

— Почему ты думаешь, что можешь задать такой вопрос?

Я не звучу враждебно, но пытаюсь спасти свою территорию, на которую он сейчас про-бирается. Поэтому голос твердый.

— Варь, я тебе не враг. Просто интересуюсь.

— Если это вопрос из вежливости, то не нужно его задавать. Не думаю, что стоит нам обсуждать какие-то личные вопросы. Я не из тех бывших жен, кто дружит после развода. Не в моем стиле.

Дорогие наши, знакомим вас с очень эмоциональной новинкой в рамках нашего литмоба
##

<https://litnet.com/shrt/PiSa>

Глава 8. Варвара

Вершинин, стоя в дверном проеме с ребенком на руках с несколько секунд молчит, а затем я слышу.

— Варь, ты помогаешь мне с сыном, — устало разъясняет он: — Я просто хотел поддержать...

— А не нужно, Леш, поддерживать, — перебиваю его, отчего он кажется даже немного обескуражен: — Я помогла исключительно по той причине, что я врач, и не могу оставить любого, — делаю акцент на этом слове: — человека в беде. В остальном, мы продолжаем в том же духе.

Вижу как глаза Вершинина прищуриваются. Не нравится что-то, дверь неподалеку. Такая мысль проскальзывает в моей голове.

— Это в каком таком духе?

— Ты понял...

— Ответь, — приказывает, как умеет.

Когда нужно проявить давление, включается и характер, и те самые именитые корни.

— Вещи собраны, — застегиваю молнию на сумке, поворачиваясь к нему.

Он словно бульдозер таранит меня своим взглядом, а я, вероятно, за очень долгое время не сдаюсь и чувствую себя, наконец, наравне. Хотя, фактически во многом это не так. Не скажу по какой конкретно причине, но я не сдаюсь и он видит это. Его глаза недобро сверкают.

— Спасибо тебе за помощь, — озвучивает он, забирая сумку из моих рук. Но прежде чем отвернуться и пойти в прихожую вдруг спрашивает.

— Я, как любой человек, воспользовавшийся услугой, должен ведь оплатить работу... — произносит он, и я прекрасно понимаю, что он делает: — Сколько?

— Леш, — качаю головой показывая глазами, что желание задеть меня, лишь унижает его.

То, что это задевает мою запертую в темноте ранимую душу, я не покажу. Это ведь ребенок, малыш, которому дико страшно, даже если вроде бы вокруг пахнет отцом.

— Переведу на твой номер, — бросает он небрежно, выходя из спальни и заставляя мои зубы скрежетать от желания выплеснуть на него все.

Но, я откладываю себе на отпуск, в который когда-нибудь точно уйду, поэтому разве эти деньги будут лишними? А тот факт, что с Елисейкой я бы и без всего этого посидела, пусть он останется со мной. В конце концов, мы оба изменились за это время, я так точно. Ну а он... по праву ведь это не мое дело.

Коротко и часто дышу, прикрыв глаза и закинув голову, прежде чем выхожу их проводить. Когда останавливаюсь в небольшой прихожей, то Вершинин уже усаживает сына в автолюльку.

Подхожу к малышу, посылая в него улыбку. Никогда не любила прощания. На моей памяти это всегда боль, тоска и отчаяние. Безусловно, я не говорю, что когда ухожу с работы, то мне тоскливо. Я о более глубоком, о том, что мне пришлось попрощаться со многими в моей жизни. И более того, эти потери для меня не были желанными.

Даже в случае с бывшим мужем. Конечно, до той поры пока я не поняла, что он все же обманывал меня не один месяц. Но это выяснилось уже в процессе развода, а до этого я искренне пыталась пересилить себя.

Найти причины, да даже оправдания. Боже, как же наивна я была... Верила в то, что наш брак можно было спасти. Хотя, вернее сказать, убеждала себя, что это возможно.

Но нет, реальность больно щелкнула меня по лицу.

Не замечаю, что поглаживая маленькие пухленькие пальчики я ухожу в себя вновь возвращаясь в то время. Как и не замечаю пристального взгляда Вершинина в этот момент.

Отрываю свои глаза от малыша.

— У вас замечательный сын, — говорю искренне, не акцентируя сейчас внимание на том, что между нами.

Важен этот мальчишка и его благополучие, чтобы с его мамой было всё хорошо. Алексей кивает, а потом вдруг на секунду хмурится.

— У меня к тебе деловое предложение, — озвучивает следом.

Вскидываю брови от удивления, и уже ишу в этом натуральный подвох.

Дорогие, рекомендуем еще одну супер крутую книгу из нашего литмоба:

<https://litnet.com/shrt/Ptrg>

Глава 9. Варвара

— Мне слышалось?

Сначала мне и правда кажется, что это мое воображение, и на самом деле Алексей ничего не говорил. Однако, по его движению руки в мою сторону, по его взгляду я понимаю, что нет, он звучит в реальности.

Отхожу на безопасное от него расстояние, прислонившись к стене спиной. Сердце гулко отбивает ритм, а дыхание сбивается, словно я пробежала много километров и запыхалась.

— Я обидел тебя, Варя?

Усмехаюсь сама себе. И правда, чего это я...

— Еще когда наш брак развалился, — пожимаю плечами, — Я помогала тебе, Леша, только потому что мне жалко ребенка. И я давала клятву Гиппократу, поэтому бросить ребенка с температурой мне не позволила бы совесть. Но ты мою помощь и искренность принял за слабость, да?

— Нет, Варя. Я просто вижу, как Елисей спокоен рядом с тобой и подумал...

— Что ты подумал?

Внутри все стягивается в плотный узел. Сейчас я хочу лишь одного, чтобы он ушел. И как можно скорее. Навсегда. Теперь уж точно навсегда.

Но он почему-то продолжает стоять посреди коридора, укачивая одной мускулистой рукой своего шестимесячного сына, который уснул. Елисей даже не представляет, какую глупость в очередной раз совершил его отец.

Словно раз за разом он пытается, пускай и не специально, но сделать мне больно.

— Я подумал, что ты сможешь стать ему отличной няней. Не на постоянку, конечно. Временно, Варя. Пока такая ситуация.

— Боже...

Прикладывая нижнюю часть ладоней к глазным яблокам, надавливая посильнее.

— Ты изменил мне, ушел к другой женщине и создал с ней семью. И я оказалась единственным человеком, у которого ты решил попросить помощи? Танцуешь на моих костях, Леша? Разве так можно...

— Давай по порядку, Варвара! — его голос тут же становится ниже, брови съезжаются к переносице, образуя глубокую складку между, одна рука непроизвольно сжимается в кулак, а второй он плотнее прижимает к себе сына, — Во-первых, измены не было. Я понимаю, тебе обидно и больно, что наш брак прожил не так много. Но я не виноват в том, что влюбился. Так бывает, и я не мог контролировать свои чувства. Но обвинять меня в том, что я изменил... Я ведь честно пришел и сказал тебе, что полюбил другую, разве нет?

— Пришел, — я словно в прострации киваю на его слова, — И сказал.

— Вот именно. Я не спал с ней во время нашего брака, я ждал развода. Какие обиды?

Его слова гулким эхом отдаются где-то глубоко и далеко в сознании. Не спал... Так странно, но я почему-то не верю, что не спал.

А если и правда не изменял, то почему тогда сказал только сейчас об этом? Почему полтора года назад не сказал, что не изменял.

Я искала в своем теле изъяны, искала, что не так со мной... Первые месяцы казались адом. Винула себя. Но сейчас нет.

В том, что он полюбил другую... Моей вины точно нет.

А есть ли разница была ли постель между ними? Господи, Варя. Разницы нет. Одинаково больно.

— Я не стану сидеть с твоим ребенком больше. Дальше справляйся сам, Алексей.

— То есть, твой ответ окончательный?

— Да, — голос уже хрипит, и я на грани того, чтобы совсем его потерять, — Окончательный.

Он кивает на мои слова, уходит не спешит, оставаясь на месте. Я не знаю, о чем он думает, да и не хотела бы оказаться в его голове. Почему-то мне кажется, что его мысли ранили бы меня.

— Ты замечательная девушка, Варвара. И у нас и правда был хороший брак, ты была отличной женой, — мне нужно немедленно закрыть уши, чтобы не слышать его. Но руки словно свинцовые, как гири, свисают вниз, — И я не думал, что вообще смогу влюбиться, как мальчишка. Но это случилось. Прости меня, что не оправдал твоих надежд.

Так. Ну все. Соберись. Плевать. Пусть скорее уходит.

— У такой девушки как ты точно будет крутой мужик рядом, который будет любить и...

— Уходи, Леша. Уходи немедленно. Больше ничего не нужно говорить. Каждое твое слово... — а нужно ли говорить человеку, как тебе больно, когда ему на самом деле плевать? Нет, Варя. Не показывай, — Впрочем неважно. До свидания, Алексей, — я обхожу его стороной и открываю входную дверь нарастающую, — Вернее прощай.

Он делает шаги по направлению к выходу, тормозит рядом со мной.

— Пока, Варь. И еще раз спасибо.

Я захлопываю дверь со всей силы. Держусь из последних сил. И обещаю себе, что сегодняшние слезы из-за Алексея Вершинина будут последними в моей жизни.

Дорогие наши, приглашаем вас в супер эмоциональную новинку в рамках нашего литмоба:
<https://litnet.com/shrt/Phq9>

Глава 10. Варвара

Сейчас мне кажется, что это всё страшный сон. Натуральный кошмар на моей улице, случившийся внезапно и выбивший меня из колеи.

После его ухода выходной пошёл насмарку, потому что я дала волю выйти своим эмоциям. Если бы я этого не сделала, то зная, как это бывает, когда это всё болезненное, как отравляющий яд начинает воздействовать на твой организм, постепенно превращая его в подчинённого. Управляя эмоциями, управляя состоянием, а затем и вовсе жизнью.

Моя подруга, прошедшая через тяжёлый и долгий развод, именно до этого и дошла. Поначалу, казалось, что всё в порядке. На вопросы ответом было всё хорошо, она переживала этого человека в своей жизни и выплюнула. Затем её жизнь менялась, и не только потому, что она резко осталась с ребёнком на руках и без своей привычной опоры, но и потому что у неё развивалась болезнь, называемая депрессией. Эдакий отложенный эффект и вера в то, что ты со всем справишься самостоятельно, ты сильный, ведь сейчас от женщин только этого и ждут... И спрашивается, с чего вдруг?!

Потому-то я не готова копить в себе всё это. Та встреча полгода назад, она не сломала меня, лишь подкосила ноги от внезапности и шока. Да и, когда ты на посту, ты в первую очередь врач, насколько бы сильно в груди сокращения сердца не доставляли страданий.

Хотя вот даже сейчас, находясь на работе мои мысли всё равно бродят где-то по его улице, хотя по факту я должна быть сосредоточена абсолютно на другом. Слава богу, это не дежурство. В приёмном так нельзя, пусть и загруженность помогла бы отвлечься.

— Варвара Сергеевна? — заглядывает ко мне коллега, акушерка.

— Там к вам на встречу, по поводу контракта, — чёрт, я совершенно забыла.

— Спасибо, — киваю ей спохватываясь: — Я сейчас подойду, они в гостевой комнате сейчас? — она кивает, а я, наконец, выкинув из мыслей человека из прошлого, настраиваю своё сознание только на работу, как это и было до.

Спустя несколько часов, заехав в магазин, чтобы купить что-то на ужин, я, наконец, паркуюсь у дома.

Машину на ТО надо отдать, а когда это сделать? Квитанции ещё не приходили на оплату коммунальных услуг. Странно срок уже пришёл. А через неделю у меня ещё и день рождения, к которому я абсолютно не готова...

Последний мой праздник прошёл не ахти как, а те, что были до этого, я стараюсь не вспоминать. Но отчего-то сейчас хочется собрать друзей, посидеть в ресторане. Не слишком шумно, но душевно. Пригласить Кирилла, Алю, подругу с послеродового отделения, и ещё можно парочку коллег. Я как будто устала от встречи с Вершининым больше, чем от работы без выходных и теперь хочется позволить себе развлекаться.

Но вот вновь мысли вокруг него... Если откровенно, его предложение прибило меня к полу.

Стать няней его ребёнка...

Это ведь не то чтобы на словах ужасно, это же ещё додуматься надо... Он предложил бывшей жене стать няней своего сына от другой женщины?! Хочется сказать при живой новой жене, но я осекаю себя сразу... А в этот момент в голове всплывают его слова: я не изменял, пока был в браке...

Это получается, он влюбился и сохранял celibat? Забираю покупки из багажника, двигаюсь к дому и вспоминаю то, как развивались наши отношения...

Конечно, не после одного свидания всё случилось, Алексей красиво и галантно ухаживал. Этого у него не отнять. Он ведь меня со своей семьёй познакомил спустя всего лишь месяц...

А может, и в этом был план? Влюбить в себя простушку-отличницу, чтобы она стала идеальной женой. Без чувств, без эмоций, для красоты и почёта. Но неожиданно подъехала любовь, и вот простушка за бортом. Может быть, он это имеет в виду своими идиотскими банальностями, по типу ты хорошая женщина, и у тебя будет крутой мужик.

После тебя, Лёша, крутых мне не надо. Ты ведь так и не понял сути. Не понял, кем стал для меня, того, как я ценила всё то, что ты делаешь. Как распирало грудь от эмоций и чувств к тебе, что аж дыхание замирало. Как холодность порой ранила, и как я глушила в себе то, что это оставляет незаживающие раны на моём сердце.

Ты не понял ничего... Но теперь-то уже какая разница?

Прохожу в квартиру, а здесь словно даже запах изменился после пребывания ребёнка. Стал каким-то другим, не тем, к которому я привыкла.

Запираю все эти мысли на замок, прекрасно осознавая, что уделяю много внимания. Однако покажите мне человека, который любил безответно, быстро ли он отходит от этого... Я не уверена.

Причём ведь озарение вдруг пришло именно сегодня, и, даже как-то спокойнее стало на душе. Я не была чем-то важным для него, пора ведь признать это. Не стала той большой любовью, человеком, с которым хочется встретить старость и вместе гулять у дома с тросточками. А может, я излишне романтизирую, и вижу ту картинку, которую в наше время встретить невозможно.

Беру телефон, отложив покупки и ещё даже не переодевшись, приступаю к организации своего праздника. В конце концов, решить вопрос с то недолго, нужно позвонить в сервис и записаться, а с оплатой всегда есть время, да и сама управляющая компания не торопится.

— Кирилл, привет, — улыбаюсь в трубку своему другу: — У меня тут есть идея на вечер следующей пятницы...

Дорогие, приглашаем вас в еще одну мощную и крутую книгу в рамках нашего литмоба:

<https://litnet.com/shrt/PVoK>

Глава 11. Варвара

— Варюша, ты очень красивая, — первая на мой скромный праздник приходит Аля. Она дарит мне сертификат в Золотое Яблоко и красивый небольшой букетик полевых цветов.

Аля — очень пунктуальный человек, поэтому до прихода остальных гостей остается еще минут двадцать, и мы с ней чисто по-дружески обсуждаем рабочие процессы. Вернее... Некоторые сплетни.

Вообще госучреждения пропитаны сплетнями, почему-то чем больше коллектив, тем больше там страстей. Школа, больница... Есть что обсудить.

— Что ты думаешь по поводу Кирилла? — Аля как-то резко меняет вектор нашей темы, отпивает из бокала пару глотков игристого и внимательно на меня смотрит. Если бы она не была замужем, я бы уже подумала, что девушка ревнует.

— Это он попросил тебя спросить об этом?

Я выдыхаю воздух ртом и тоже хватаюсь за бокал, горло вмиг становится сухим, и даже жидкость с пузырьками не спасает ситуацию. Я не любитель обсуждать свою личную жизнь.

С тех пор, как я громко кричала о своем счастье по имени Вершинин, предпочитаю вообще молчать.

Я любила постить в социальных сетях фотографии с Лешей, хоть он и постоянно бурчал что ему не нравится делать фотографии. Я любила делать с ним дурацкие селфи с высунутыми языками и корчить рожицы. Я много что любила делать с ним... И мне казалось, что “МЫ” — это точно навсегда.

Глупо, наивно. Что ж... Молодым свойственно ошибаться. Сейчас я держу свою личную жизнь под семью замками, хотя как таковой личной жизни нет.

Я не ставлю на себе крест, считаю себя довольно привлекательной девушкой и уверена, что когда-то вновь смогу полюбить. Возможно, уже по-другому. Не с такой самоотдачей, не с таким трепетом, но тоже очень сильно. И будущий мужчина точно оценит мою любовь по достоинству.

Но чтобы это случилось, мне нужно самой внутри себя все механизмы переставить, чтобы они стали работать иначе и больше не сбоили.

— Варвара, — теплые руки ложатся на мои плечи, — Он по уши в тебя влюблен. Дай парню шанс.

— Аль, ты же понимаешь, что это будет нечестно по отношению к нему? Я не хочу пользоваться чувствами Кирилла. Он заслуживает любовь и искренность.

— Ну никто не говорит тебе прыгать к нему в койку и сразу строить отношения. Но ведь пару свиданий точно не будут лишними. Твой Вершинин, — как только она сворачивает в сторону запретной темы, я понимаю, что пузырьки немного ударили ей в голову, — Он, конечно, мужик красивый. И при деньгах. Да много у него плюсов было. Только вот такие, как он, надолго с одной не задерживаются. Вот увидишь, он свою эту тоже бросит. Натура такая — блядская. С таким хорошо развлекаться, но брак...

Ее ведет явно не туда.

— Давай сменим тему, — я довольно холодно реагирую на всю ее тираду.

— Ок, но ты подумай. Важно, чтобы мужик любил тебя. Мы, женщины, адаптируемся под любые обстоятельства. Зато Кир тебя на руках будет носить и в попу целовать.

Благо наш разговор прерывают прибывшие гости. Кирилл дарит мне красивый букет нежно-розовых пионов, у которых нереальный аромат.

Я тут же прикладываю нос к бутонам, вдыхая его.

Праздник проходит спокойно, Аля успокаивается, и остаток вечера потягивает один бокал, больше себе не наливая. Мы много общаемся на медицинские темы, шутим чисто по-врачебному и смеемся.

Выбором ресторана я остаюсь довольна, блюда оказываются невероятно вкусными, особенно я отмечаю для себя тартар из говядины и угря. Шеф сам презентует это блюдо, техника называется серф энд терф, когда в одном блюде смешиваются мясо и рыба. Оказывается, это невероятно вкусно.

А десерт превосходит все мои ожидания... Фисташковый мусс крадет мое сердце.

Довольная я соглашаюсь, чтобы Кирилл проводил меня до дома.

— Я немного растерялся, — Кирилл улыбается, — И забыл сказать тебе, что ты в этом платье потрясающе красива, Варя.

— Спасибо, — мне приятны его слова. И в целом то, что он отмечает какие-то детали. Может Аля и права, стоит обратить внимание на друга.

Он протягивает руку, чтобы убрать выбившуюся прядь волос за мое ухо, и в самый деликатный момент, когда его пальцы касаются мочки, мой телефон начинает звонить. Я извиняюсь, по привычке сразу отвечаю.

Так бывает, когда ты работаешь врачом. Иногда могут вызвать срочно.

— Варя, привет, — но этот голос сбивает с толку, я теряюсь и не знаю, куда себя деть, — Я обещал, что больше не потревожу. Но Елисею снова нехорошо. Может ты...?

Я резко зажмуриваю глаза и сцепляю свободную руку в кулак.

Нет, Варя! Не смей!

У тебя праздник! Черт возьми.

— Не могу помочь, — ровно отвечаю, собирая в себе все силы, — Позвони в скорую. Номер думаю, ты знаешь. Выздоровливайте.

Я даже не слушаю, что он скажет в ответ. Просто кладу трубку.

Хватит с меня терзаний души.

Кирилл больше не делает шагов, чтобы прикоснуться ко мне. Как самый настоящий джентельмен провожает до самого подъезда и не проситься на кофе, чтобы не испортить момент. Я оставляю на его щеке скромный поцелуй, прижимаю охапку подаренных букетов и убегаю домой.

В подъезде как назло уже второй день не могут починить свет, поэтому к своей двери иду наощупь. Запинаюсь об что-то массивное.

Мне удастся попасть в замочную скважину со второго раза, я распахиваю дверь и тут же включаю свет в коридоре. Небольшая полоска света падает на огромную корзину белых роз. Их здесь точно штук сто. Не меньше.

Опускаюсь на корточки, прохожусь пальцами по шелковистым лепесткам. Сердце непроизвольно бьется. Выдергиваю из бутонов записку.

“Я не забыл про твой день. Прости, что потревожил. С Днем рождения, Варвара!”

Дорогие, приглашаем вас в крутую новинку нашего литмоба:

<https://litnet.com/shrt/PMeh>

Глава 12. Варвара

Все было так хорошо. Идеально. У меня давно не было таких вечеров. Душевно, тепло и весело именно по моим меркам. И вот опять...

Ты не забыл про мой день. Смешно.

Что это за акция доброй воли, подачки для бывшей за помощь ребенку?!

Смотрю на эти дорожные цветы в огромной корзине. Улыбка, но не та, которая от счастья, трогает мои губы.

За те короткие три года брака он всегда дарил корзины цветов. Белых чертовых роз. И вот сейчас я смотрю на такую же композицию, которая ещё буквально полтора года назад вызвала бы феерию моих чувств, прилив любви и нежности к этому мужчине. Но сейчас я за него мысленно добавляю, что лучше бы он забыл. Так было бы проще всем.

Сердце неровно бьется из-за того, что ребенок сейчас вероятно страдает. Но и я не женщина-кошка спешить на помощь по первому зову. К тому же, не будь я его женой, я бы и не знала, как он может манипулировать. Это в генотипе подобных ему мужчин заложено. То ли с кровью от родни, то ли прививается с детства.

Втаскиваю корзинку в квартиру, чертыхаясь и толкая её ногами. А когда захлопываю дверь, то глянув на нее, оставляю в коридоре и забираю остальные цветы, чтобы расставить по вазам.

Удивительно, как один человек, даже не появляясь перед глазами, может испортить все. Кажется, что и шальные несколько бокалов шампанского резко выветрились из организма.

Расставив букеты, и оставив пионы от Кирилла в спальне на прикроватной тумбе, я наспех принимаю душ, чтобы уже лечь в постель и немного почитать перед сном.

Возвращаюсь за телефоном, который оставила в прихожей, снова бросив взгляд на громоздкую корзину. Прохожу мимо и усевшись поудобнее в постели рука сама собой нажимает на последние вызовы.

Там его номер.

Дикое желание сейчас взять и высказать все. Чтобы катился к чертям со своими проблемами, чтобы не трогал меня. Исчез, как и было.

Однако, эти мысли лишь показывают, что ещё ничего не выветрилось и я опять полна тех эмоций, которые мне не нужны. В ту же секунду приходит ещё одна мысль и я захожу в базу больницы. Благодаря тотальной цифровизации теперь не проблема увидеть карточки пациентов, которые у тебя были.

Ту дату, полгода назад, я отчетливо запомнила. И сейчас ввожу в поиск фамилию Вершинина, мне выпадает список из пяти человек. Просматриваю каждую, но нет той, кто мне нужен.

Все документы заполняла медсестра под мою диктовку, дальше проверить анамнез и диагноз, как итог даже без подписи, а просто поставить галочку, а бумажная карточка дальше уходит на послеродовое отделение. Поэтому сейчас отчаянно пытаюсь вспомнить было ли хоть что-то, указывающее на эту фамилию. Но в моей голове лишь собственный обледеневший ступор, а затем и слезы счастья женщины, которая увидела свое чадо.

Она быть может не его фамилию взяла... Всплывает ещё один домысел.

Да что со мной не так?!

Злюсь сама на себя, закрывая базу, но взгляд цепляется за последнего пациента, кто рожал в те сутки — Коваль Диана.

Фокусирую взгляд на диагнозе и показателях новорожденного, и да — это она.

Зачем я это делаю, кто бы мне сказал. Но его фраза о том, что до развода с ней не спал... она словно паразит сидит где-то глубоко и далеко. Тихо, и даже незаметно пускает свои корни, чтобы прижиться. А я пусть и хочу противиться, но это уже внутри.

Рычу сама на себя с силой зажимая глаза основанием ладоней. Эти внутренние споры и попытки делать вид, что все также — изводят. Потому что как бы я ни хотела, чувства к Вершинину — это моя личная, мучительная игра надежды и разочарования. На протяжении последнего года брака, когда он ощутимо отдалился и затем ещё одного года, когда я пыталась осознать, что мое рвущееся к нему сердце, он жестоко оттолкнул. Он настолько холодно и равнодушно наполнил меня этой болью, что в те два года в каждом моем вздохе таилась мечта, которая никогда не исполнится, а в каждом взгляде — безмолвное страдание, до отказа наполняющее душу горечью и безысходностью.

Открываю мессенджер. Он вероятно считает, что я железная и такая же бесчувственная. Но даже если я хочу такой стать, видимо те яйца, о которых повсюду кричат женщины, держащие на себе всю семью, включая мужей, к которым ничего не испытывают, мне на все сто процентов неподвластны.

«Не нужно было, для тебя это обычный день. Я чужой для тебя человек, оставь, пожалуйста, меня в покое.»

Нажимаю отправить, и шумно выдыхаю. Сколько раз мне ещё нужно будет это повторять. Только хочу отложить телефон, как он вибрирует в моей руке.

«Варь, прости, я правда не знаю, что делать... Елисея забрали в реанимацию»

Дорогие, приглашаем вас в эмоциональную новинку нашего литмоба:

<https://litnet.com/shrt/Pyrp>

Глава 13. Алексей

Не знаю, почему я надеюсь на то, что Варя придет. Два синие галочки рядом с сообщением говорят о том, что оно прочитано. Но ответа так и не поступило.

Прошел час, температуру в сорок градусов у Елисея сбили. Врач говорит, что его жизни ничего не угрожает. Но на душе словно камни, даже не получается сделать полноценный вдох. Все зажато в тиски, а боль настолько тупая и ноющая, что кажется уже никогда не пройдет.

Я сам задавался вопросом, почему пришел к Варваре. Почему попросил помощи именно у нее... Вроде как все в прошлом, все должно остаться там. Но в самый критический момент она была первой, о ком я вспомнил.

— Поезжайте домой, — рука медсестры едва касается моего плеча. Миловидная деушка с курносом осом и кудряшками н голове явно строит глазки, протягивая мне коричневый пластиковый стакан с мерзким пойлом, которое величают кофе.

Я забираю из ее рук горячий напиток, тут же делаю большой обжигающий горло глоток.

— Не могу находиться дома, пока сын здесь.

О том, что моя жена в больнице я не добавляю. Это лишняя и довольно личная информация. Но в последнее время стены родного дома и правда давят, словно с каждым днем они все больше сужаются и вот-вот схлопнутся.

— С вашим ребенком все в порядке, уже все хорошо. Он под присмотром.

Я поднимаюсь с коричневого дивана на железных ножках, поправляю свои темно-синие брюки, потом прохожусь по рубашке и хватаю со спинки брошенный пиджак.

— Я могу завтра прийти?

— Конечно. Врач как раз даст вам всю необходимую информацию. Приходите к девяти утра, он уже будет на месте.

Киваю, допивая самый отвратительный кофе в своей жизни. Но сейчас я готов выпить даже его, чтобы хоть как-то взбодриться. Мне нужно прийти в себя, проконтролировать ситуацию. Понять вообще, что вдруг резко стало с моей жизнью, что так все пошло наперекосяк. Словно сглазили.

Хотя я в эту чепуху не верю.

Но тут уж и уверовать можно...

Домой не еду, наматывая круги по городу, в поисках ответов на вопросы, которые так сильно тревожат. Следствие идет по делу аварии, в ДТП, в которое попала Диана не все так просто. Водитель, который врезался в ее машину скрылся с места преступления, но и там все слишком мрачно.

Потому что на таком участке, почти на пустой дороге, где вероятность выйти на встречу равно нулю, именно это и случилось. Тормозной путь был ничтожно мал, Диана даже с ее опытом вождения не смогла бы предотвратить ситуацию.

Подушка безопасности спасла ее. Врачи говорят, что она была близка к смерти. Но ее кома именно так и ощущается.

Странно, но в момент, когда я узнал про аварию, все мои чувства словно зацементировались. Не было страха, отчаяния, агонии...

Наоборот, полная собранность и желание решить ситуацию. Как можно скорее с наименьшими потерями.

Теперь важно найти эту гниду, чт врезался в машину Ди. Важно поднять камеры, хотя следствие тормозит. И я психую, не понимая, почему такое плевое дело растягивается на недели.

Сам не замечаю, как в порыве своей ярости на свое же бессилие я паркуюсь в знакомом мне дворе. Интуитивно приезжаю туда, где спокойно душе.

Смогу ли я потревожить Варвару, поднявшись к ней в четыре утра и разбудив? И что я ей скажу?

Что мне плохо и я впервые не знаю, что делать? А на кой черт ей ми проблемы?

Поднимаю голову ввысь, смотря на ее окна, где, конечно же, не горит свет. Прохожусь ладонью по кадыку, сминаю шею, поворачивая ей в разные стороны.

Нужно оставить ее в покое. Мои проблемы — не ее забота.

Она обижена на меня, хотя я думал, нет, я был уверен, что моя честность будет способна смягчить ситуацию. Но нет, я не учел тот момент, что Варя сильно была влюблена в меня. И да, Ей явно было очень больно.

И все, что я сейчас могу сделать для нее — это уже точно навсегда исчезнуть из ее жизни. Хотя я и нуждаюсь в ее плече и поддержке. Я не имею на это ни малейшего права.

Глава 14. Варвара

Сообщение, которое всю ночь не давало мне спать. Я не должна участвовать. Мне должно быть абсолютно наплевать.

Но зачем он вновь и вновь делает это? Знает же, что я не смогу пройти мимо, что спасу любого, кто в радиусе пяти метров...

Вот и сейчас глядя на себя в зеркало и собираясь на смену, я пытаюсь не думать о том, как там малыш. Я ведь знаю миллион случаев, когда после родов с осложнениями детей увозили от матерей. Не было ни кормлений, ни встреч. Да, это, безусловно тяжелый период для обоих, но реальный ведь. Но нет, на душе порой скребут кошки, и я даже представить боюсь, что будет, если его жена не очнется.

То, что Вершинин не готов был к такому тотальному отцовству не моя проблема. Отнюдь нет. Я вообще чужая женщина, чье сердце нагло растоптали. И пусть даже тот факт, что моя человечность хочет взять и поехать в больницу, я сопротивляюсь этому как могу. Мне жаль ребенка, а не его отца это уж точно.

Но мыслим реально и логически, во-первых, меня не впустят. Во-вторых, я не хочу видеть Вершинина. В-третьих, этот мальчик, как бы я не питала к нему теплых чувств, для меня никто.

Столько противоречий и ни одной мысли, за которую можно было бы ухватиться и повторять её как мантру.

Отсекаю всё это в своей голове, и продолжаю наносить легкий макияж. Тон, пару взмахов тушью, румяна, блеск — и такой модный сейчас «натуральный» вид готов. Собираю сумку, контейнер с едой из холодильника и, глядя на часы, понимаю, что уже опаздываю. А все из-за этих чертовых размышлений. Как он появился вновь в моей жизни, так все из рук валится.

Выхожу на улицу, спешно двигаясь к парковке во дворе. Только вот либо мое зрение меня подводит, либо я правда вижу машину Вершинина. Она стоит аккуратно около моей Тойоты.

Зажмуриваюсь и вновь открываю глаза.

Нет, она не исчезла. А жаль.

Подхожу ближе, нажав на кнопку сигнализации, и закинув вещи, пытаюсь разглядеть что-то через тонированные стекла. А вижу я то, что разложив водительское сиденье, Вершинин спит.

Вздергиваю бровь, определенно не ожидая увидеть подобное, но ещё ближе к стеклам не подхожу, дабы лишний раз не пересекаться. Я, кажется, даже готова на цыпочках сесть в свою машину и тихонечко уехать.

Да только мне это не удастся, потому что когда я только хочу сесть в свою машину, дверь соседней машины резко открывается.

— Варя, — голос хриплый и разбитый, но мне плевать.

— Что ты здесь делаешь, Леш? — устало оборачиваюсь, но дверь в автомобиль все же открываю.

— Не знаю...

Он зачесывает волосы и горько усмехается, пожав плечами.

— Тебе нужно отдохнуть и поехать к ребенку, — говорю я, как врач, а не как бывшая жена.

— Варвар, — он делает несколько шагов, огибая машину, а у меня стойкое желание сесть и молча исчезнуть: — Я знаю, я сделал тебе больно... Мне очень жаль.

Усмехаюсь, прищуривая глаза.

Ему жаль... Здорово.

— Да, Леш, мне тоже. — поджав губы отвечаю ему: — Жаль, что я полюбила не того человека.

Уже хочу сесть в машину, но меня останавливает его крепкая хватка.

— Прости... И за то, что пришел к тебе прости... Я просто не знал, что делать, — он все ещё держит мою руку, не крепко, но цепко, а меня будто током шарахает все это время: — А вчера твой врач не отвечал, и ты прислала сообщение...

Бьет и колотит изнутри, а внешне кажется, что это ничего не значит. Да только сердце знает. Повыше вздергиваю подбородок и киваю.

— Да, — тяну губы в неестественной улыбке: — Не нужно было. — киваю, соглашаясь: — Не только у тебя ребенок пытается выжить без матери, таких десятки, если не сотни. Так что, будь добр, перестань пользоваться мной.

— Я не пользуюсь, я действительно считаю, что ты могла бы...

— Хватит.

Выставляю руку вперед, на что он замолкает, но вижу недовольство на его физиономии.

Ощущение, он поставил себе цель с этим желанием взять меня в няньки.

Карьерный рост, чтоб его. Из акушера гинеколога в няньки к бывшему.

Боже, какой бред.

— Отпусти меня. — твердо высекаю и пытаюсь освободиться от хватки, но он не сразу позволяет.

Смотрит как-то задумчиво, и лишь после поднимает руки ладонями вверх.

— Удачи, — бросаю я ему напоследок, и сажусь в машину.

А когда уже завожу мотор, то открываю окно и окликаю его, понуро шагающего к своей машине.

— И, Леш, больше не приезжай сюда.

Закрываю окно и трогаюсь с места. Лишь уже когда я выруливаю на дорогу, мой взгляд мельком метнется в зеркало заднего вида и увидит его, так и стоящего посередине парковки.

Дорогие, всем привет!

Обязательно приглашаем вас в нашу последнюю яркую новинку литмоба!

<https://litnet.com/shrt/PGt5>

Глава 15. Варвара

— Лунина, подъем!

Что-то громко со стуком опускается рядом со мной. Я как раз в этот момент заканчиваю досматривать свой сон, где Вершинин со своим ребенком и новой женой стоят втроем на пороге моего дома и предлагают стать их няней.

От ужаса резко распахиваю глаза, понимая, что приснился кошмар. В ноздри тут же ударяет аромат свежесваренного крепкого кофе, я перевожу взгляд на рядом стоящую кружку, откуда еще идет пар.

— Спишь сладко, — говорит Надя, она же со мной сегодня на дежурстве, — И кстати во сне ты называла имя какого-то мужика. Наша тихоня Варя оказывается не свободна? Нужно сказать Кириллу, чтобы не витал в облаках.

У Нади язык — помело. Она любит говорить. Много и часто не по делу. Для врача — это плохо. Хотя... По мне так это в целом дурной тон, дело даже не в профессии.

Я не очень люблю работать с ней в смену, потому что Надя не самый быстрый и ловко принимающий решения человек, а для врача, повторюсь, есть вещи, которые жизненно необходимы, чтобы оставаться профессионалом.

Однако, своей прямой неприязни я не показываю. Потому что ее нет. Да, мне некомфортно, но я отношусь к ней никак. Не более того.

Тем более бывают дни, когда она молчалива и мила. Редко, но бывают. А еще... Открыто показывать свое отношение к ней — не самый лучший вариант. Опять же, прямо нам никто не говорил, но когда эта юная особа появилась два года назад в стенах нашего родильного дома, уже на следующий день сплетни разнеслись по стенам госучреждения. Она чья-то протеже.

Вернее. Конкретно, нашего главврача. Тут все ясно.

— Это мне? — киваю в сторону дымящегося кофе, наконец поднимая голову от своих сложенных на столе рук. Уснула, вымоталась. Бывает, что получается подремать минут пятнадцать, иногда даже полчаса, а бывает везет... И даже час сна выходит.

— Тебе-тебе, — отвечает она, опираясь ягодицами о край стола, — У Петренко из восьмой схватки уже восьмой час.

— Раскрытие?

— Да нормально уже, — качаю головой, потому что я спрашиваю по существу, конкретно про сантиметры, а не такого формата определения, — Я не стала вникать, ее забрала себе Митрофанова.

Выдыхаю. И радуюсь. Потому что Митрофанова Людмила отличный акушер и потому что именно сегодня я в каком-то раздрае.

Голова совсем не варит, я бы сказала, что она совершенно отказывается работать. Болит, виски пульсируют.

Я обхватываю двумя руками чашку с кофе, делаю жадный глоток, морщусь, чувствуя как сердце после сна начинает работать, отстукивая ритм. Кофе оказывается чересчур крепким, но может это и хорошо. Взбодрюсь хоть.

На часах шесть утра, а значит смена скоро закончится. Можно будет пойти домой.

Открываю ящик, достаю оттуда кубик сахара и кидаю в кофе, чтобы хоть чем-то разбавить его крепость.

— Так кто такой Леша? — Надя не унимается, в ожидании горячих сплетен приподнимает свою правую бровь и в такт качает ногой.

— Понятия не имею, — вру, не желая пускать ее на свою личную территорию, — Смотрела вчера сериал по второму каналу, там главный герой Алексей был. Может оттуда.

Она прищуривает глаза, абсолютно не веря в ту ложь, что я сейчас говорю. Но и я не обязан откровенничать.

— Ну ладно, — вздыхает, — Все равно жаль Кирюшу.

Еще секунда, и я буду готова зафырчать на ее бестактность. Но пока держу себя в руках.

— Лунина! — крик бешеный, на грани. В ординаторскую влетает медбрат, на глазах ужас. Кружка с кофе от громкого возгласа покачивается в моих ладонях, и пара кофейных коричневых капель падают на стол, — Открытая ЧМТ, перелом грудного и поясничного отдела позвоночника, внутреннее кровотечение. Тридцать восьмая неделя.

Резко вскакиваю с места.

— Почему к нам?

— Не ко мне вопрос.

Резко просыпаюсь, выбегаю из ординаторской, хватая планшет. И лечу вниз.

Глава 16. Варвара

Влетаю в приемный покой, на ходу надевая перчатки.

— Почему сюда?! — тут же замечаю женщину в крови и без сознания.

Сотрудники неотложки жмут плечами, а меня уже выводит из себя вся эта ситуация.

— Так, беременная же, — озвучивает бледный молоденький парнишка, который стоит ближе ко мне.

Проверяю пульс, но он едва уловим.

— Почему пациент на проинтубирован? Что с ребенком? Доплерометрия есть?! — шпарю вопросы, в конце уже повышая голос.

— Да, — отвечает все тот же.

— Кто с тобой был?! — счет идет на секунды, а я стою и выуживаю информацию по крохе.

Он показывает пальцем на стойку регистрации, и я замечаю там его напарника.

Качаю головой, забирая у этого парнишки бумаги. Смотрю на диагнозы и уже осознаю, что здесь тяжелый случай. Как только собираюсь пойти к сотруднику неотложки отвлекает отчаянный крик на весь приемный.

— Где мой сын! Мой сын?! Вы его спасли?!!

— Надя! — тут же зову свою сегодняшнюю напарницу, которая с ужасом в глазах застыла статуей — Надя! Соберись! Нужно проинтубировать пациентку, срочно! — трясую ее за руку, а она растерянно моргает с пустым взглядом.

Киваю медсестре, которая уже летит на помощь с трубкой.

— Она разве родит? — как из тумана задаёт вопрос мой горе-помощник на сегодня.

— Нет, — озвучиваю очевидное: — И мы не можем ничего сделать, кроме реанимации. С такими травмами положительный исход равен нулю... — озвучиваю ей, но девушка будто совершенно ни хрена не понимает: — Нужно согласование главврача и заведующей. У женщины множественные травмы, плюс тазовая травма естественные роды противопоказаны. Интубация не проводилась, есть риск гипоксии. Кесарево при внутреннем кровотечении... — перечисляю даже скорее для себя, потому что в моей практике хоть и были сложные случаи, но не такие, когда мать и дитя, оба на грани.

— Вы врач?! — меня резко хватают за обе руки: — Спасите моего сына!

— Отпустите пожалуйста, — стараюсь говорить спокойно, но твердо, мужчина явно безумен: — На данный момент важно реанимировать вашу супругу! И затем принимать решение о родоразрешении с несколькими врачами...

— Нет! Там мой мальчик! — слезы на глазах мужчины абсолютно искренние, несмотря на то, что он и сам частично в крови, включая лицо.

Мне отчаянно хочется помочь обоим, но я не волшебник. И сейчас я знаю, как должна действовать. Это регламент работы, который мы учили, как Отче наш.

— Поймите, ваша супруга...ей нужна срочная реанимация, пока мы тут спорим, счет идет на секунды...

— Он там умирает, разве вы не понимаете?! Вам наплевать?! Как вы можете... Да вы не врач после этого!

Черт. Сжимаю зубы, а Надя все так и стоит изваянием рядом.

— Надя, — привлекаю её внимание, и она переводит взгляд с него на меня: — Оформите документы и возьми с мужчины согласие на проведение экстренной операции. — озвучиваю холодным тоном: — Затем позови заведующего отделением и проинформируйте главного врача.

— Ты будешь кесарить? — тут же она мне шепчет, пока он стоит и прожигает меня умоляющим взглядом.

— Нужен реаниматолог срочно! — ору, так и не ответив и уже отходя от них: — Пациентку в реанимацию сейчас же! — несколько человек везут каталку в лифт, а я сглатывая пытаюсь размеренно дышать.

Перед глазами отчего-то прошлый случай ДТП... и затем лицо Вершинина и его супруги, когда она увидела ребенка. Он был абсолютно собранным, в отличие от этого человека. Он не ощущал своей потери тогда, он доверил свое самое дорогое мне. А сейчас он один с ребенком в режиме ожидания своей жены, как возможно останется и этот человек.

Поднимаюсь на нужный этаж, переодеваю форму и захожу в операционную. Акушерка тут же натягивает на меня одноразовый халат.

Анестезиолог и его команда уже здесь в ожидании, когда я закончу свою часть.

— Сердцебиение есть? — спрашиваю про плод, на что мне кивают.

— Еще раз сделаем, — указываю на беременный живот, который уже подготовили для надреза.

Ждём, пока проведут необходимые манипуляции, и да, эхо маленького сердечка ещё есть. Пусть и кажется, что оно угасает.

— Гипоксия, — озвучиваю я почти про себя и смотрю на монитор показателей матери:

— Инструменты...

Дорогие наши, приглашаем вас в заключительную новинку нашего литмоба

<https://litnet.com/shrt/PDgg>

Глава 17. Варвара

— Время смерти семь часов сорок три минуты.

Я проговариваю все это еле живым тоном, снимаю перчатки с рук, бросая их со всей злости в урну. Опираюсь ладонями об умывальник, вода журчит, но я смотрю в стену, ровно в одну точку, почти не мигая.

Надя бледная выходит следом, смотрит, прожигая во мне дыру.

— Что делать теперь?

— Жить дальше.

— Она мертва... Ты понимаешь?

Надя начинает сползать по стенке вниз, чуть ли не сядясь пятой точкой на пол. Буря, что была внутри меня, поднимается с удвоенной силой. Я поделтаю к ней, хватая за грудки, встряхиваю ее и поднимаю обратно.

Глаза жжет, я на грани нервного срыва. Роговица словно иссохла, в висках пульсирует маленький молоток, отбивая ритм как метроном.

— Возьми себя в руки! Ты врач, Надежда. Может произойти все, что угодно. Никто не застрахован.

— И кто этому мужику теперь скажет правду?

— Какую правду, Надя? Он кричал, как сумасшедший, чтобы мы спасли ребенка. Мы предупреждали, что мать в тяжелом состоянии. Нас кто-то послушал? Боже...

Я отпускаю ее, наконец осознавая, что отпуск мне все-таки не помешает. Я настолько морально истощена, что сил нет уже ни на что. Просто рухнуть на диван и проспаться неделю, не просыпаясь.

— Ребенок...

— Хватит! — резко перебиваю ее одним выкриком, — Иди заполни документы. Я сообщу ее мужу, что он теперь вдовец.

Надя вновь бледнеет, но я уже не обращаю внимание на ее состояние. Наконец ополаскиваю руки и выхожу в коридор.

Самое страшное в данной ситуации то, что новости две. И обе они плохие. Пускай мужчина подписал документ, дал согласие... Но это не отменяет того факта, что мы потеряли обоих.

Это первый такой случай в моей практике. Я выпотрошена до основания, во мне словно больше нет жизни.

Врачи должны уметь абстрагироваться, не принимать близко к сердцу. Но когда у тебя умирает и мать и ребенок, ты уже ничего со своим сердцем не сделаешь. Ты хочешь, чтобы оно перестало биться также, как оно перестало биться у них.

Я прокручиваю моменты в голове, могла ли я сделать иначе? Могла ли я спасти ребенка?

Ответ очевиден. Нет.

Но я старалась, он цеплялся за жизнь до последнего.

Мужчина сидит в коридоре, сложив руки на коленях, голову свисает вниз. Он жлет новостей, он надеется на лучшее. А я вестник с самыми ужасными новостями.

Подхожу к нему еле слышно, но он тут же вскидывает голову, пробегаясь по мне взглядом, потом также молниеносно вскакивает со своего места, подлетая ко мне вплотную.

— Как они?

Так, Варвара. Просто дыши. Соберись.

— На фоне шока и внутреннего кровотечения у вашей жены начался ДВС-синдром. Это расстройство свертываемости крови. Это смертельно при кесаревом.

— Что это значит?

— Мне жаль, но ваша жена умерла от гиповолемического шока и кровопотери. Нам удалось извлечь ребенка, но он родился в критическом состоянии, была гипоксия, он не подавал признаков жизни. Мы провели реанимацию, но она оказалась безуспешной. Примите мои соболезнования, мне жаль.

После того, как я заканчиваю говорить, только тогда понимаю, что выдыхаю. Его глаза впиваются в меня, он молчит и ничего не произносит. Даже звука.

Мне становится не по себе в этом ожидании.

Наверно, я должна как-то поддержать его. Боже... Это настолько страшно.

— Что ты сейчас сказала, сука?

Я не сразу ориентируюсь, даже не осознавая, что это летит в мою сторону.

— Я уничтожу тебя, тварь.

Руки мужчины смыкаются на моей шее, он со всей дури и мощи сжимает пальцами мое горло, я начинаю задыхаться, ловя открытым ртом воздух.

Страх и паника заполняют все тело.

— Отпустите...

Выходит совсем хрипло, я даже не узнаю свой собственный голос.

— Ты должна была спасти ребенка... Тварь. Убью.

И я не сомневаюсь в том, что он это сделает. Потому что его глаза налиты кровью, в них нет ничего живого.

Воздух в легких заканчивается, голова идет кругом, я на грани того, чтобы умереть. Без шуток. И иронии.

Это именно то, что происходит сейчас.

Благо в конце коридора в нашу сторону уже бежит охрана, которая увидела нас по камерам. Они оттаскивают обезумевшего мужчину, скручивая его. Он кричит проклятья, обещая уничтожить меня.

Он обещает, что сделает все, чтобы я сдохла.

Убегаю, сворачивая за угол. Прикладываю руки к шее, часто дыша. Слезы от страха только сейчас срываются вниз.

Тело бьет мелкая дрожь.

Глава 18. Варвара

Этот день кажется мне бесконечным. Я жутко устала, мне хочется закрыться в маленькой комнате, чтобы даже и лишнего пространства не оставалось, в надежде, что это поможет моей голове перестать думать.

Только нет. Ощущение, что ничего не поможет.

Главный врач больницы и заведующая стоят напротив, многозначительно глядя друг на друга.

— Варвара, — начинает главврач: — Ещё раз расскажи, что было?

Устало выдыхаю и со всей силы тру глаза. Я ведь уже обо всем говорила. Надя рядом сидит со стеклянным взглядом, к ней даже перестали обращаться, потому что явно девушка не в себе. Да и если уж откровенно, то по регламенту вопрос к врачу, который дежурит и который берет на себя ответственность, а все остальные сотрудники — это скорее как помощь.

— Я ведь уже трижды рассказывала...

Сначала заведующей гинекологии, затем главному врачу, и потом им вместе.

— Дело плохо, Варь, — тут же вступает заведующая отделением: — Если верить угрозам овдовевшего мужчины, то явно отзовут лицензию...

Расширяю глаза глядя на них обоих.

— Как отзовут? — от шока даже не сразу получается выдать из себя звуки.

Во всей трагедии сегодняшней ночи и этого дня, я абсолютно точно не думала об этом с этой стороны.

— Я ведь сделала, как надо? — перевожу глаза на каждого поочередно: — Надя! — резко вскрикиваю, вызывая девчонку из астрала: — Ты сделала все так, как я сказала?!

Она хлопает своими ресницами, но по ощущениям совершенно не понимает о чем я спрашиваю. Подлетаю к ней, резко тряхнув за плечи.

— Надя! Ты оформила все документы?! — наконец, её взгляд проясняется и она несмело кивает.

— Да...

Грузно и громко выдыхаю опуская взгляд в пол.

— Ладно, отдохните, — кивает на выход главный врач: — И Варвара, возьми несколько дней выходных.

Надя тут же стремглав вылетает из кабинета, я же уже чувствую неладное в этих нескольких днях. Посылаю взгляд на заведующую, но она поджав губы, мягко кивает.

Будто не на своих ногах выхожу из кабинета. И ощущение, что вот-вот плотину прорвет. До этого я старалась держаться, показывала холодную и отрешенную собранность. Однако, даже несмотря на то, что нас готовят к любым исходам, мы люди. И главное, что остальные об этом забывают. Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота, и опираясь на стену ладонью пытаюсь как можно скорее добраться до туалета.

Залетаю в кабину уборной и все мои внутренности тут же выворачивает. Холодный пот течет по позвоночнику, а испарина на лбу кажется ледяной.

Прислоняюсь к стене, подняв голову к потолку.

Это все реакция на стресс. Организм будто сдается, но подобное уже было. Помню, когда Вершинин сообщил мне о разводе. Тогда было почти так же, перед ним пусть и опустошенная и растерянная, но как только он вышел за порог нашей тогдашней квартиры, то скатилась по стене, а потом такая же тошнота, и то ли жар, то ли холод.

Усмехаюсь мыслям, не заметив, как слезы стекают из глаз.

Почему же оба... Нужно было спасти хотя бы одного. Было бы не так больно.

Снова проигрываю в голове каждое действие, которое сделала в процессе. Но не могу даже зацепиться за что-то, что бы изменило летальный исход.

Вероятно я ещё долго буду помнить этот момент и искать варианты, как бы мы могли спасти хотя бы кого-нибудь... и это должна была быть мать.

Если бы начали реанимацию вовремя, то возможно она была бы сейчас с нами в этом мире. Да, ребенок бы стопроцентно не выжил и тут бы никто не смог помочь. Даже сверхопытный мастер гинекологии и акушерства едва ли бы заставил ребенка закричать.

Выхожу из кабины, еле передвигая ногами, и мечтаю об одном. Закрывать все шторы в спальне, и исчезнуть хотя бы на двадцать четыре часа.

В кармане вибрирует телефон, но я даже не в силах засунуть руку в карман и посмотреть кто это.

И умывшись ледяной водой и смочив шею, я наконец понемногу прихожу в себя. Слабость не уходит, но по крайней мере перед глазами больше не плывет. Дышу долгими глубокими вдохами, пока перемещаюсь по коридору в сторону раздевалки.

Только вот неожиданно меня вдруг будто окутывает вихрь. Чувствую руки на своем теле и не сразу понимаю откуда.

— Варь, я только узнал! — Кирилл смотрит на меня с ужасом, а во мне будто больше нет эмоций: — Как так?!

Он восклицает, вглядываясь в мои глаза, а я жму плечами. Хочется прижаться сейчас к его груди и позволить себе слабость. Но я продолжаю безнадежно смотреть на него.

— Ты ведь знаешь же регламент... — с неким укором звучат слова: — Зачем этот героизм?!

Только в эту секунду мозг вдруг считывает то, что я не вижу сочувствия или желания утешить. Не то, чтобы я этого безудержно хотела, но разве я неверно интерпретировала его слова.

— О чем ты?! — мгновенно хмурюсь, наконец, понимая весь спектр его посылы.

Он качает головой, и поправляет свою шевелюру, а я резко отшатываюсь от него.

Глава 19. Варвара

С Кириллом разговор не выходит, мы явно сейчас друг друга не понимаем, потому что находимся в полярных ситуациях.

Он пытается дать совет, поучить, когда его об этом не просят. А мне лишь нужна поддержка, увы, которую он мне не дает. Удивленно лишь взмахивает бровями вверх, когда я отказываюсь от того, чтобы он проводил меня до дома. Еще несколько минут нотаций я не выдержу. Точно сойду с ума.

А нервную систему побереечь надо, кто это сделает, если не мы сами.

Поразительно, какие все люди разные. Есть люди с низким эмоциональным интеллектом, они не понимают, где лучше промолчать, а где лучше просто побыть опорой и плечом. Они не замечают малейших изменений в собеседнике, не замечают, что еще секунду назад улыбающийся человек по какой-то причине больше не улыбается.

И таких нюансов много.

Все-таки эмпатия и эмоциональный интеллект — это врожденное. Такому научиться нельзя.

До дома решаю прогуляться пешком, проветрить голову. Прогулка помогает отвлечься, хотя мысли так и норовят забраться куда-то поглубже, разворошить все там и заставить меня страдать от собственной никчемности.

Даже у профессионалов... Да нет, не даже. А как раз люди, которые горят своим делом чаще всего страдают тем, что ощущают себя никчемными, недостаточными. И сейчас я, прокручивая все минувшие события, ругаю себя, хотя прекрасно осознаю, что сделала все правильно. Я спасала ребенка... Да. Но я должна была спасти и мать. И я сделала все, что могла.

Но у них не было шанса. У обоих.

Наконец дохожу до подъезда, ветер поднимается приличный, пробираясь под легкую кофту, которую я сегодня надела. Она не спасает и от собравшегося начаться вот-вот дождя. Мелкая морось неприятно ложиться на лицо, и волосы начинают тут же виться.

У подъезда никого нет, даже бабы Люси, которая любит сидеть до позднего вечера. Вокруг словно все замерло.

И в этой пустоте еще больше неуютно.

— Варвара Лунина? — незнакомый голос долетает до моих ушей. Я даже не сразу узнаю свою фамилию на устах незнакомца. Но все же торможу у самой двери, так и не приложив магнитный ключ к домофону.

— Вы ко мне?

Я не знаю, кто это. Мужчина мне не знаком. Но он не выглядит дружелюбным. Отнюдь.

Он выглядит даже немного пугающе, и нет, дело не во внешности. Она обычная. Он почти с меня ростом, одет просто: джинсы и синяя ветровка, под ней обычная черная футболка, а на нога кроссовки “Нью бэланс”.

Что меня пугает? Его взгляд. Холодный, расчетливый и оценивающий. Он не оценивает меня как женщину, вовсе нет. Он оценивает меня как соперника. Но мне явно нечего с ним делить.

— К вам, Варвара. Боюсь, что у вас проблемы. Довольно серьезные.

Легкий приступ паники все-таки появляется на горизонте, но я пока контролирую его.

— Я вас не понимаю.

— Мой клиент зол, готов вас стереть в порошок. Моя задача — выполнить его просьбу. Варвара, просто мой совет, профессиональный. Уходите из больницы, ищите деньги на адвоката... В противном случае выход у вас одним. Вернее вход. На зону.

— Вы угрожаете мне? — голос начинает дрожать.

— Предупреждаю. Всего хорошего!

Он даже кланяется головой, словно покорный слуга. Садится в черный седан, не новой марки, года так две тысячи восьмого.

Он еще не успевает выехать со двора, как на его месте паркуется куда более знакомая машину. Я в оцепенении стою, не дышу словно.

Вершинин выпрыгивает из авто, размашистых шагом подходит ко мне.

— Я оставил на твоём телефоне порядка двадцати пропущенных, Варя. У тебя все хорошо?

Глава 20. Алексей

Она стоит и хлопает своими ресницами. Ощущение, что она будто не в этом мире. Отрепённая и явно безнадежно пропавшая в своих мыслях.

— Варь? — хочу дотронуться до её плеча, но, будто считав моё намерение, она резко возвращается в себя.

— Зачем ты звонил?

Металлический тон голоса напоминает неприятный звонкий лязг. Хочу было сказать, что Елисейке лучше и он уже переведён в палату. А ещё надо бы извиниться за то, что невольно втянул её в свою историю.

Но, заметив её взгляд, я будто проглатываю слова.

— Что стряслось? — я видел её такой лишь однажды.

И, признаться, та картинка застряла в голове. Это был день, когда я сообщил ей о разводе. Она не ожидала, а я потонул, чёрт возьми. Нелегко было принять такое решение. Впрочем, казалось, именно так будет правильно — сказать всё честно, без прикрас. Вот я и признался, что, как пацан, влюбился. С Варей не так всё было, она была уютом, чем-то тёплым. А Диана... с ней срывало чеку. И эти эмоции захлестнули так, что не было возможности выплыть.

— У меня нет сейчас времени, — наконец, тихо говорит, не давая ответа. — Ты зачем приехал? — выглядит она всё ещё потерянно, а главное — слишком устало.

— Хотел извиниться, — она вздёргивает брови и с такой тяжёлой усталостью надавливает на свои глаза.

Говорю ей хоть немного правды — и осознаю, что ей это абсолютно ни к чему.

Но другой вопрос — что это нужно мне. Я не мразь, которая за бабки готова покупать. А она определённо именно об этом подумала. И да, я не идиот и осознаю, что в этом мире бумажки и счёт банковской карты решают, но только не с Варькой.

Я вполне способен взять няню, да. Но кто будет её смотреть? Кто будет проводить беседы и давать наставления?.. Я абсолютно не приспособлен к тому, чтобы ухаживать за младенцем. Более того — пока мне и отцом себя сложно назвать. Те полгода до злосчастной аварии всё делала Диана. Я работал. Единственное наше время на троих — это выходные. И пусть сейчас мне помогает наша экономка — это не означает, что становится легче. Не сказать, что я в ней не уверен, просто...

— Вершинин, я же просила оставить меня в покое, — качает она головой. — Поверь, сейчас мне не до тебя и уж тем более не до твоих извинений. — По мере того как она говорит, её голос становится всё жёстче и жёстче: — Они мне не нужны. Займись уже, в конце концов, своей жизнью.

А я ведь и пытаюсь. Только не пойму, почему на подсознательном уровне возвращаюсь в этот двор. Будто и сам хочу здесь поселиться, ищу в ней того, кто поддержит — как и тогда, во время нашего брака. Но сейчас, в один, чёрт возьми, миг вся моя жизнь оказалась где-то глубоко, где темно. И я, мать его, будто без фонарика иду куда-то туда, вглубь. Ни хрена не видно, непонятно, но, несмотря на всё это, иных выходов и входов нет.

И сам осознаю, что звучит бредово, но Варвара — это тот человек, который светится изнутри добром и теплом.

— Я знаю, Варь, но ты... — Варя прикрывает глаза, а потом резко распахивает их.

— Я сказала, оставь меня в покое! Твои проблемы меня не волнуют! — она целит это всё с той злостью, которую я никогда у неё и не видел вовсе: — Хватит уже измываться надо мной!

Последнее она почти выкрикивает и, резко развернувшись, стремительно скрывается от меня в своём подъезде. Мне кажется, или на её глазах даже налились слёзы?..

С ней явно что-то происходит. Как бы Варвара ни ненавидела меня — она бы никогда так не отреагировала. Не в её темпераменте.

Озираюсь по сторонам, глубоко вдыхая. Я знаю, что она права. Во всех смыслах. Но ощущение, что только с ней мне вдруг хочется говорить. Мы в конце концов разве чужие?! И знаю, что долго не общались, но обиды ведь когда-то остывают... и, наверняка, многие пары стараются сохранить дружественные отношения.

Бреду обратно к машине, чтобы доехать до Дианы. Правда, смотреть на неё больно. Нет искрящихся глаз, бледная кожа, которую она так ненавидит и вечно хотела утащить меня на отдых, чтобы позагорать. Удивительно, как много нужно Диане — и как, в противовес, мало было необходимо Варе. Она ведь никогда ничего и не просила. Ди, конечно, пытается держать себя в рамках, но выходит у неё это крайне скверно. Выходило.

Сам себя мысленно поправляю, причём в который раз замечаю, что говорю в прошедшем времени. Будто даже и не верю в то, что она очнётся.

Завожу машину, тут же голосом набирая номер следователя.

— Михаил Евгеньевич, Вершинин беспокоит. Есть подвижки? — перехожу к делу, на что по ту сторону динамика громко прокашливаются.

— Алексей Олегович, узнал, узнал, — отвечает он. — Не сказать, что могу вас порадовать, но полагаю, вам это будет интересно...

Глава 21. Варвара

— Лунина, зайди к главврачу. Он рвёт и мечет.

Именно с этих слов начинается мой новый рабочий день. Я знала, что никто просто так это не оставит, что начнутся разбирательства, но внутренне молилась хотя бы об отсрочке.

Увы, этого не случилось.

Успеваю переодеться в рабочий костюм, на ноги — кроксы, планшет прижимаю к боку, будто он может придать мне хоть какую-то опору. В голове — шум, в груди — пустота. После встречи с главврачом планировала сделать обход по палатам, где мамочки лежат на сохранении. Хотела отвлечься... Но, кажется, уже поздно.

— Валерий Николаевич, звали? Добрый день!

— Варвара, — он поднимает голову от бумаг, чуть приспуская очки, — проходи.

Закрываю плотно дверь и сажусь у стола главврача. Он будто перестаёт замечать моё присутствие, снова погружается в бумаги. Тишина такая, что слышу собственное дыхание — резкое, неравномерное. Пальцы сжимаются в кулак. Жду. Долго. Пока он, наконец, не заговорит.

— Знаешь, чья дочь умерла на столе?

— Не интересуюсь личной жизнью пациентов. Но раз вы начали этот разговор, полагаю, человек непростой?

— Верно, Варя. Это была дочка Мирошкина. Надеюсь, не нужно объяснять, кто это такой?

Я пожимаю плечами. Фамилия мне ни о чём не говорит. Валерий Николаевич округляет глаза, будто я только что заявила, что не знаю, кто такой президент.

— Он полковник. Непростой человек. Старая закалка. Связи везде. В общем, Варя, не буду ходить вокруг да около. Проблемы нам сейчас ни к чему, и так проверки отовсюду. Напиши заявление по собственному. Как уляжется — вернёшься. Возьму обратно.

— Простите?.. — в шоке открываю рот, но слова застревают. Мне кажется, я ослышалась. — Её муж умолял спасти ребёнка. Ему объясняли риски, предупреждали. И скорая не должна была привозить её к нам — мы не были профильной клиникой в её случае. Валерий Николаевич, я действовала по протоколу. Да, консилиум не был созван, но у меня не было на это времени. Там каждая секунда решала. Разве вы бы поступили иначе?..

— Варенька... — он снимает очки, тяжело выдыхает и откладывает их на стол, — пойми, я на твоей стороне. Именно поэтому и прошу уйти сейчас. Он уже давит. Мирошкин капает, рвёт связи, запускает процессы. Я помогу тебе с адвокатом. У меня есть надёжные знакомые. Разулим. Без уголовки, только лишение практики. Временное.

Ком в горле, будто кусок стекла. Руки дрожат, пальцы теряют чувствительность, ладони мокрые. В голове всё гудит, как от удара током. Мысли сыпятся обрывками.

"Это конец."

"Это была моя жизнь."

"Я шла к этому годами..."

Как же больно, когда всё, что строила, разлетается на куски за один день.

Эта работа — не просто заработок. Это смысл. Моя суть. Я дошла до этого места по колено в крови и поту, отказав себе во всём. И вот теперь — тишина. Приговор.

Он продолжает говорить, но я уже не слышу. Вскикиваю и выбегаю из кабинета. Слёзы режут глаза, но я стараюсь не плакать в коридоре. Только бы дойти. Только бы не упасть.

Я знала, что жизнь несправедлива. Но не догадывалась, насколько.

— Варя! Варя! Да стой же ты!

Чьи-то руки резко хватают меня и тормозят. Я врезаюсь в мужскую грудь, теряя равновесие, вжимаясь, будто в подушку. Заливаю слезами белоснежный халат.

— Варюш, не плачь. Ну ведь не конец света произошёл.

— Что?.. — голос срывается. Не верю. Просто не верю.

— Так будет лучше для всех, Варь. Ты пойми... Если тебя оставят здесь, нас всех разнесут. Люди останутся без работы, не дай бог, лишимся лицензии. А так...

— Что "так", Кирилл? Продолжай. Договаривай.

— А так ты пару лет подождёшь... Потом вернёшься. Всё восстановим.

— Знаешь... — я резко сбрасываю его руки со своего тела, с презрением, будто с меня пытались стянуть кожу. Это — не поддержка. Это не защита. Это трусость, завёрнутая в заботу. — Хорошо, что мы так и не успели сходить на свидание. Боюсь, я бы оказалась главным мужиком в тот вечер.

Обхожу его, даже не оборачиваясь. Слёзы текут по лицу, щеки горят от стыда и боли. Бреду в сторону туалета, будто единственное безопасное место на всей этой чертовой планете.

— Варвара, остынешь — поговорим...

Ни с кем я говорить не собираюсь. Хватит. С меня. Сил уже нет. Просто... нет.

Глава 22. Варвара

В темноте квартиры стоит тишина. Такая звенящая, густая, что кажется, она вопит мне прямо в уши — как будто сама тьма кричит, требуя услышать её.

Я смотрю в потолок, не видя ничего, кроме сплошного чёрного полотна. Сейчас ночь. Я знаю это не по часам, а по свету — точнее, по его отсутствию. Даже хваленые блэк-ауты серого оттенка днём пропускают свет, а сейчас — ничего. Пустота.

Сколько я так лежу — не знаю. Минуты, часы, дни. Внешний мир будто отрезан ножницами по живому, и я не хочу обратно. Там, снаружи, больнее. Там меня рвут на части, снова и снова, как будто проверяют, когда я окончательно сломаюсь.

И ведь я пережила всё — развод, предательство, отказ, унижение. Забыла чувства к человеку, которому я стала чужой. Приняла, чёрт возьми, роды у его жены, сидела с их ребёнком... Ну кто ещё способен на такую стойкость? Или, может, это не стойкость вовсе, а просто глупость? Та, что растёт из слишком доброго сердца.

А мир отвечает мне исключительно болью.

И, будто ему всё ещё мало. Недостаточно. Ему нужно добить. Выжать досуха.

Вот теперь ему это удалось. Меня словно нет. Осталась только оболочка — мягкая, тряпичная, лишённая всего: эмоций, сил, воли.

Полная апатия. Плотная, вязкая, как тина. Безнадёга.

В последний раз, когда я включала телефон, там были сообщения от заведующей, звонки из роддома, голосовые от Кирилла, который до сих пор живёт в иллюзии, что нам есть о чём говорить. Даже Надя что-то написала — мол, подписала у того мужчину.

Но теперь всё это не имеет значения. Ни слова. Ни подписи. Ни правда.

Им не важна справедливость. Им нужно обвинение. Им нужна красивая месть — как в плохих фильмах о мафии.

Я больше не плачу.

Всё, что осталось — это опустошение. Не злость, не отчаяние, а ощущение, что меня сглазили, сняли кожу, выжгли изнутри. Я больше не помню ту девушку, которая когда-то смеялась и радовалась жизни. Варвара Лунина.

Её как будто взяли за горло — и медленно душили. Глядя на это со стороны. А потом ушли.

Пустая улыбка ползёт по лицу, как нервный тик. Организм будто в ступоре. Ему не нужна еда, не нужна вода. Всё замерло. Как будто кто-то нажал паузу, и кнопку «плей» больше не найти.

Из этой бездны вдруг вырывает посторонний звук. Какой-то гул, грохот, будто кто-то сверлит стену. Я с трудом поворачиваю голову, не сразу понимая, откуда доносится этот шум. Неужели кто-то из соседей решил устроить ремонт в такой час?

Звук становится всё громче, словно перфоратор работает не за стенкой, а прямо в моей голове. Он разрезает тишину, как нож по стеклу.

Нахмурившись, жду, что это закончится. Но оно не заканчивается.

Я с трудом поднимаюсь с постели — тело будто не моё. Встаю — и сразу теряю равновесие. Комната закручивается вокруг, будто меня затянуло в чёрную воронку. Я хватаюсь за стену, и медленно, ощупью, выхожу из спальни.

Возможно, в чате дома уже война — кто-то из жильцов, как всегда, рвёт жилы остальным.

Может, это вообще не сверло, а пила?

Звук невыносимый. Он бьёт по нервам, по мозгу. Я прикрываю уши, но всё равно слышу. Ужасно громко. Словно этот кто-то сверлит не стену, а моё сознание.

Наверняка это не парень из квартиры напротив — он тихий, вежливый, арендует. Да и в целом слишком... правильный. Не тот типаж.

— Мужчина! Вы что себе позволяете?! Да кто вы такой?! Я полицию... — голос бабы Любы гремит, как раскат грома. Значит, не мне одной всё это слышится.

Я тихо усмехаюсь — сейчас этот горе-ремонтник получит по заслугам.

Приближаюсь к двери, шурясь, чтобы заглянуть в глазок... но не успеваю. Дверь резко распахивается прямо передо мной.

Я вздрагиваю. Свет из подъезда режет глаза, как удар. Я сжимаю веки от боли — всё слишком ярко, слишком резко, слишком живо для меня сейчас.

— Варвара!

Встревоженный голос Вершинина пробивается сквозь крики бабы Любы и затихающий звук то ли перфоратора, то ли пилы, а я медленно моргаю и, наконец, вижу сломанный замок собственной двери и своего бывшего мужа, застывшего в проеме.

Дорогие наши и любимые, приглашаем вас в нашу новинку!

Будет остро, эмоционально и сложно. Все как мы любим)

Я ХОЧУ ТЕБЯ ВЕРНУТЬ

<https://litnet.com/shrt/RUa7>

(ссылка кликабельная)

Я прошла через развод, в котором делили всё — бизнес, имущество и даже сына. Он хотел контролировать нас и после, но я поставила точку, не раскрыв ему свою тайну.

Я думала, всё позади. Думала, он больше не вернётся. Однако бывшие не умеют уходить тихо. И вот он снова передо мной, требует всё переиграть по-своему. Но... теперь я умею играть. И на этот раз — у меня есть козырь.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: сложные отношения, эмоции на грани, обязательный ХЭ##

Глава 23. Варвара

— Незаконное проникновение в квартиру наказывается штрафом или принудительными работами, — выпаливаю на автомате, словно учебник, заученный в Академии. Слова срываются с губ без участия мыслей — просто как реакция на угрозу. Пока я выстраиваю вокруг себя оборонительный щит из юридических формулировок, он просто смотрит.

Стоит на пороге моей же квартиры. Смотрит. Пронзительно, до мурашек, до легкой дрожи в кончиках пальцев.

Бедный слесарь, вскрывший дверь, сглатывает так шумно, что этот звук отдаётся в тишине, как выстрел. Он мертвенно бледнеет, плечи опускаются, в глазах читается паника. Еще секунда и он, похоже, потеряет сознание прямо у меня в коридоре.

— Всё в порядке, мужик, — голос Алексея звучит глухо, но сдержанно. — Это моя бывшая жена. Она не станет катать на тебя заяву. Такой у неё... своеобразный юмор.

Слесарь выдыхает с облегчением, но не говорит ни слова. Лишь стремительно, с почти комической поспешностью, собирает инструменты и выскальзывает в лифт, будто боится, что дверь снова захлопнется уже навсегда, и он останется в этой квартире вместе с нами.

Баба Люба, конечно же, никуда не уходит. Её халат цвета варёной малины торчит из-за дверного косяка. Она наблюдает за нами с таким интересом, словно это не сцена из чьей-то жизни, а сериал, который она смотрит уже много сезонов. Ей бы только семечки да кресло-качалку.

— И как этот бедолага согласился вскрыть чужую дверь? — голос мой звучит спокойнее, чем я себя чувствую.

Внутри всё сжимается. От напряжения, от его близости, от того, как легко он переступил порог, как будто всё ещё имеет на это право.

— Деньгами можно решить вопрос, — отвечает Леша, лениво отталкиваясь от косяка и прислоняясь к стене напротив. Он не смотрит на меня. Взгляд уходит куда-то вверх, в потолок, будто там, среди потеков краски и старой люстры, найдётся ответ на что-то важное.

— Но не любой, — усмехаюсь. В голосе горечь. Я хорошо знаю цену деньгам. Особенно, когда ты сам — в прайсе. Особенно, когда знаешь, что даже все деньги мира не помогут, если вдруг понадобишься кому-то "поважнее".

На секунду между нами нависает тишина. Слишком тяжёлая, слишком многослойная, чтобы её просто проигнорировать.

И тогда он произносит:

— Варя, мне вызвать полицию?

Баба Люба испуганно пятится к лестничной площадке, судорожно выставляя трость вперёд, будто пытается от кого-то защититься, хоть и сама не до конца понимает от кого именно.

Глаза у неё широкие, влажные. Страх, смешанный с любопытством, старческая тревога, желание защитить хоть кого-то.

— Баб Люб, всё хорошо, — стараюсь говорить спокойно, не повышая тон. — Муж бывший распереживался, что я на звонки не отвечаю. Идите отдыхать. Отбой тревоги.

Она бурчит, фырчит, бормочет себе под нос, как будто ругает нас обоих — и его за самоуправство, и меня за то, что допустила. Но всё же уходит, натужно опираясь на трость, бросив ещё один подозрительный взгляд через плечо.

Я захлопываю дверь, и глухой щелчок замка звучит, как точка. Прислоняюсь спиной к противоположной стене, копируя позу Вершинина. Будто это даёт равные позиции. Как будто между нами ничья.

Он смотрит на меня в упор. Без злости, без напора. Просто... изучающе.

— Что у тебя стряслось, Варя?

— Меня больше интересует, с какой целью ты меня искал и замок взломал? — смотрю на полонку и устало качаю головой. — Кстати. Кто чинить будет?

— Я всё починю. Мне сказали, что ты больше не работаешь в больнице.

— Ну раз сказали — значит, не работаю, — сжимает внутри. Не от его слов, а от самой фразы. Раз сказали. Как будто я — слух, сплетня. Как будто меня нет больше как человека. Губы сами дергаются в усмешке. Но не весёлой, а вымученной.

Сердце отзывается глухим стуком. А в груди что-то ноет тупо, глубоко, без определённого источника боли.

Меня начинает потряхивать. Снова. Как тогда, в тот день, когда всё и посыпалось.

Несправедливость едкая, как кислота, обволакивает, разъедая изнутри. А кости ломит так, словно под кожей живут маленькие ножи.

Я ведь верила. Всю свою жизнь искренне, по-детски. Верила, что мир справедлив. Что добро возвращается. Что нельзя сломать человека просто так. Без причины.

После развода с Алексеем тоже верила — в карму, в честность, в смысл.

А пока всё, что возвращается — это удар за ударом. Как будто я мишень, и никто даже не пытается промахнуться.

За что? За доброту? За то, что старалась быть хорошей? Любила искренне, помогала, спасала чужих?

Если мир такой, значит, быть прожжённой сукой — это спасение. Без морали, без принципов. Хотя не так больно.

А в фильмах, помните?

Показывали этот "другой" мир. Изнанку. И мы смотрели, пожимая плечами, мол, художественный вымысел, слишком мрачно, не может быть правдой.

А потом ты вдруг понимаешь: всё придумано задолго до тебя. Потому что кто-то уже это прожил. И теперь ты сама в этом фильме. Без титров, без сценария.

— Никогда не поверю, что ты бы сама уволилась с работы, — он всё ещё смотрит. — Расскажешь?

— А для чего? — голос хрипнет. — Я правда не понимаю, почему тебя вдруг стало так много в моей жизни. Больше, чем было в браке. В браке ты был призраком. Вечно на работе, в командировках. Я цеплялась за крохи. За завтрак по воскресеньям, за короткие объятия перед сном. А сейчас ты как постоянный гость, почти каждый день. Что тебе нужно, Леша? Мы развелись. Это что-то значит, понимаешь?

Во мне всё кипит. Злость, обида, изнеможение.

Как будто кто-то открыл кран, и из меня вырывается всё густо, вязко, без возможности остановиться.

— Хочу помочь, — просто говорит он. — Ты же мне с сыном помогла.

— А я не просила тебя о помощи! — замираю, прикусываю губу, сдерживая дрожь. — И с сыном я помогла, потому что жалко было ребёнка. Не тебя, Леша. Ребёнка.

Он делает шаг ближе, но останавливается.

— А меня жалеть не надо, — говорит совсем глухо. — Злишься на меня? Имеешь право. Но не отталкивай помощь. У тебя проблемы. А я могу... у меня есть связи.

— Леш, — я устаю в этот момент. Всей кожей, каждой клеткой. — Себе сначала помоги. Ты себя в зеркало давно видел? Под глазами тьма. Щетина как у скитальца. Волосы...

Он чуть улыбается мрачно.

— Мелкий не спит ночами. А днём я у Дианы в больнице.

Я не хочу этого слушать. Не должна. Это больно. Как будто кто-то медленно выдавливает воздух из лёгких.

— Видишь, как много у тебя дел и забот. Так иди, Леша. Ради Христа, иди домой. Занимайся своей семьёй. Женой. Сыном. А меня не надо спасать. Мне не нужна твоя благодарность.

Я отталкиваюсь от стены, пятки шаркают по полу, будто тело тяжелее стало в два раза.
Бреду в спальню. На полпути оборачиваюсь:

— Только замок почини. Чтобы настоящие домушники не залезли.

И вдруг, в спину, резко и громко:

— Ты тоже моя семья, Варя.

Молния по позвоночнику.

— Да, мы в разводе. Но ты была мне близким человеком. Почему я не могу хотеть тебе помочь?

Глава 24. Алексей

Жду её слов. Ответа. Хочу, чтобы прорвало, но она всё ещё пытается удержать эту дамбу. Будто верит в то, что сможет противостоять этому напору из эмоций. Но как ни крути, я знаю эту женщину. И я не лгу, когда говорю о семье.

Да, в разводе. Да, я сделал ей больно. Но это не отменяет того факта, что я выбрал эту женщину однажды. И пусть она считает, что я этот выбор предал. Возможно, в её парадигме это так. Однако я не позволил себе ничего лишнего до того момента, пока с Варварой не было оговорено будущее. Чёрт его знает, откуда она считает иначе.

— Я не твоя семья, Лёш, — звучит тихий усталый ответ. — Ощущение, что я ей и не была никогда.

Не глядя, она шорхает дальше. И как бы ни пыталась казаться незаинтересованной, то, что я вижу вокруг, заинтересовано в моей помощи. Хочет она того или нет.

И это я ещё не говорил с главным врачом больницы. Очень уж интересно, как можно было уволить за пару суток человека, который до изнеможения себя насиловал, дабы добиться признания во врачебных кругах.

— Ты и сама знаешь — это не так...

Начинаю я и хочу объяснить, но Варя резко разворачивается, а по её щекам текут слёзы.

— Так! — в сердцах выкрикивает она. — Я не была тебе нужна, Вершинин. Просто признай уже это, чёрт возьми. Хватит пытаться быть хорошим. Баста. — показывает руками знак тайм-аута. — У меня нет больше ресурса, слышишь? Нет... — на последних словах её голос теряется, и она прикрывает глаза.

Смотреть на боль, что сейчас транслирует её понурая спина, лицо, всё в слезах, и безнадёжное страдание в глазах — невозможно.

Я впервые вижу её такой. Резко подрываюсь с места и касаюсь её плеч. А когда она не сопротивляется, словно тряпичная кукла дёргается на мои касания, то крепко прижимаю её к себе.

— Варя, что с тобой?! — паника просачивается медленно.

Будто течёт по длинному тонкому шнуру от капельницы к источнику. И в этот момент я осознаю одну важную мысль: я боюсь за неё.

Настолько простой и лёгкий факт, что я и сам ошарашен доводами разума.

Она всхлипывает, и когда затихает, мне кажется, что всё. Я немного отстраняюсь и чувствую, как она впирается пальцами в рукава закатанной рубашки.

— Уходи, Лёш... — с гримасой боли на лице шепчет.

— Нет, — уверенно заявляю и хочу отстраниться.

А она ещё крепче смыкает свои пальцы и отчаянно мотает головой.

— Варвара, серьёзно, я хочу помочь.

Пытаюсь смягчить тон, успокоить и оказать поддержку, потому что знаю, как это важно для неё.

Только в следующую секунду в неё будто кто-то вселяется.

— Я сказала — не нужна мне твоя помощь! — толкает она меня, сверкая глазами. — Уходи! Проваливай! — снова набрасывается, и, чёрт, это её отчаяние сшибает. — Исчезни в свою идеальную жизнь! С женой и сыном! Но не трогай меня! Ты уничтожил... ты... — она замолкает, резко утирая слёзы, и будто берёт себя в руки. — Всё теперь уничтожено... — сипит напоследок.

Стискаю челюсти и снова обхватываю её плечи, заглядывая в глаза.

— Ты можешь меня ненавидеть, но я предлагаю не ломаться, — вижу, как она усмехается и отрицает. — На зло мне и тому, кто виноват в твоём состоянии. Тебе стоит просто рассказать и согласиться на мою помощь.

— Я не смогу принять...

— К чёрту правильность, Варвара! — повышаю я голос. — Что важнее? Принцип — не принимать помощь от бывшего мужа или то, что тебя лишают работы по причине, с которой, полагаю, ты не согласна... Хм?!

Она дарит вялую улыбку и смотрит мне в глаза в ответ.

— В лучшем случае меня лишат лицензии временно, а в худшем — могут посадить по статье, — озвучивает она безнадёжно, а я хмурю брови.

Чушь собачья. Варя и всё это — ну полный нонсенс.

— Что за хрень?! — выдаю я, не стесняясь в выражениях.

— Так что почини, пожалуйста, дверь, и спасибо за предложение, — собирается она вернуться в свой кокон.

— Ок, — хватаю её за руку. — Такой расклад возможен, если ты будешь одна. А если со мной, то вариантов будет больше... — уверенно отвечаю, прищуривая глаза.

Рука держит её холодные тонкие пальцы, и почему-то на этом моменте я висну. Раньше у Вари всегда были тёплые руки. Более того, она как натуральная грелка всегда была горячей, но только не теперь. И это въедается в мою голову, как нечто ненормальное.

Видимо, недосып и собственная усталость дают о себе знать. Но сейчас, глядя в её потускневшие глаза, отчётливо осознаю, что с того самого дня рождения Елисея я не видел ту женщину, с которой жил.

Она абсолютно другая. В ней будто стало меньше чувств и эмоций. Ровная. Умеренная. Нормальная. Все те эпитеты, которые обозначают тотальное ничего.

— Стоит только согласиться, Варь, — хриплю ей, останавливая поток непрошенных мыслей.

Глава 25. Алексей

— Мам, это я.

Бросаю связку ключей в чёрную мини-шкатулку на комод, они глухо звякают, словно выдыхая усталость вместе со мной. Снимаю пиджак, от которого уже воротит, и обувь, что будто приросла к ногам за этот бесконечный день.

Кажется, он длится вечность. Такой вязкий, будто кто-то нарочно замедлил время. В висках пульсирует боль, отдающая в затылок, пальцами разминаю шею, тяну мышцы, но легче не становится.

Прохожу на кухню, движения на автомате, всё как по сценарию: открыть холодильник, нащупать графин с апельсиновым соком, откупорить крышку и сделать несколько жадных, почти отчаянных глотков прямо из горлышка.

Надеюсь, что сахар хоть немного поднимется и голова отпустит.

Моя мать уже немолодая женщина. Хрупкая, но с той тихой силой, что не умирает ни в боли, ни в усталости. Но у меня проблемы с доверием. Тотальные, въевшиеся под кожу, почти на уровне ДНК. Так что ни о какой няне и речи идти не может. Всё на нас двоих. Варя отказалась, и я не винил.

Тогда не понимал. А потом, в тишине, когда дом уже затих, дошло. Что для неё моё предложение было как пощёчина. Унизительное, бестактное.

А я просто отчаянно пытался справиться. Ляпнул. На эмоциях. И задел.

Она хрупкая, да. Но внутри стержень. Такой, что если однажды окрепнет, станет титаном.

— Елисей спит, — мама выходит из детской, опираясь о дверной косяк, прихрамывая на правую ногу.

Восемь лет назад её сбила машина. Было три операции, долгие месяцы в больницах, реабилитация, боль, капельницы, шаг за шагом буквально. Сейчас каждое движение для неё как маленький подвиг.

И за это я тоже себя виню. До сих пор.

Нужно решать вопрос с няней. Чёрт возьми, наступить себе на горло, проглотить свои страхи. Разрешить себе каплю доверия. Хоть чуть-чуть.

Установить камеры. Контролировать всё, но хотя бы попробовать.

Сделать хоть что-то.

Но пока тяжело. Очень.

Она присаживается за стол, тяжело опускаясь на стул, словно скидывает с плеч пару лишних лет. Складывает руки в замок, пальцы белеют от натяжения, и опускает голову, тихо, почти шепотом добавляя:

— Долго мы так будем, сын? Вдвоем не справляемся. Ты и сам это видишь.

Киваю, даже несмотря на то, что она не смотрит на меня. Её голос глухой, уставший. Как будто он тоже прожил сегодня слишком много.

— Возьму отпуск на время, буду с малым. Хочешь, в санаторий тебя отправлю, мам?

— Не хочу, — качает головой, взгляд устремлен в одну точку на столе, будто боится посмотреть мне в глаза, — Хочу, чтобы всё было как раньше. Когда ты жил с Варенькой, у вас было так уютно... Так красиво. Пахло вкусной едой. А это что? — она с презрением бросает взгляд на мрачную, тяжёлую картину на стене, ту самую, что Ди притащила с какой-то своей

дикой выставки. Я и сам, если честно, не в восторге. Но для неё это было важно, она долго выбирала.

— Уродство какое-то. Мазня.

— Мы уже обсуждали это сто раз, мам. С Варей мы в разводе. А с Дианой...

— А что с Дианой? — голос у неё становится резким, даже колючим.

Моя мать консервативная до костей. Дочь партийного деятеля, прошедшая советскую закалку. Варю боготворила. Мой развод с ней восприняла как личное предательство.

Диану она не приняла. Татуировки — бесовщина. Одежда как с панели. А взгляды? Да у них вообще ни одной общей точки.

Диана и правда будто из другого мира. Яркая, дерзкая, слишком живая. Прямолинейная. Эпатажная. И этим она меня сразила. Я, сам не свой, пошёл за ней, как за огнём.

Сейчас она моя жена. И она в коме.

— Да всё не так с твоей Дианой, — мать закатывает глаза, — Отец в гробу там переворачивается от твоего выбора. Я не знаю, Алексей, что эта... — заминается, не находя нужного слова, — Что она с тобой сделала. Приворожила, что ли? Но променять Варюшу на эту... Ты ещё хапанёшь от неё говна, вот увидишь. Я тебе Богом клянусь, Лёша, она непростая. Ты помняи мои слова. Хорошо хоть Елисейка — твоя копия.

Жизнь давно научила: спорить с матерью — всё равно что головой в стену. Только шишка. Доказывать что-то — пустое. Людей в таком возрасте не меняют. И у меня нет такой задачи.

Я принимаю решения сам. Всегда. Не по чьей-то указке. Могу выслушать, да. Но выбор за мной.

— Ты устала, — спокойно, почти мягко говорю, — Отдохни, мам. Я с Елисеем побуду.

— Ой, — отмахивается она, — Ничего ты не понимаешь... Я не устала от внука. Но... А, впрочем, правда. Чего я лезу к здоровому лбу? Вот когда окажешься в этом болоте, тогда и поговорим. Главное, чтоб не поздно было.

— Мам, моя жена в коме. Тебе её совсем не жалко?

Ответа я не получаю. Только взгляд. Глухой, немой укор. И всё. Потом она разворачивается и уходит в детскую, укачивать Елисейку.

А я... Я измотан. Чертовски. Не только женой, не только сыном. Теперь ещё и Варя.

Что значит «посадят»? Они там совсем охренели? Нет. Так дело не пойдёт.

Разберусь. И разнесу, если придётся.

Иду в душ. Смываю с себя остатки дня. Грязь, напряжение, дикуую усталость.

Включаю почти кипяток, чтобы распарить кожу, чтобы прогрело до костей, до самого нутра. Пусть оттаёт всё, что внутри сжалось от напряжения.

Перед сном проверяю телефон, обнаруживая, что еще часа два назад мне написал следователь. Появились записи с камер с места ДТП. Просят завтра подойти. Наконец-то мы сдвинулись с мертвой точки.

Глава 26. Варвара

Медленно, не торопясь, бреду к дому. Впервые заставила себя выйти. Да и элементарно в доме нет ничего, а привычные доставки сейчас скорее продолжат усугублять моё состояние. Поэтому, хоть немного приведя себя в порядок, я пытаюсь радоваться солнцу.

После той ночи, когда в моё пространство наглым образом ворвались, Вершинин, наконец, исчез. За что я ему откровенно благодарна. Потому что не вынесла бы ещё и его в такой момент.

Подставляю лицо прямым лучам, стараясь почувствовать это тепло. Но меланхолия настолько расставила свои сети, что я будто не контролирую себя больше. Мной руководят те, у кого деньги и власть. И надо противостоять, скажете вы... и я тоже хочу ответить так же. Но осознаю, что давление уже пошло, а дальше только хуже. Единственное, что я могу сделать, это не сдаваться и не принимать их условия. Да, это не будет борьба, это будет справедливость с моей стороны, и моя совесть будет чиста.

Подхожу к дому как раз в тот момент, когда вижу знакомую фигуру у домофона.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю достаточно холодно, давая понять, что его слова я всё ещё помню и диалога, как раньше, не выйдет.

— Варька, ты пропала, не отвечаешь. Я волновался. — Кирилл подходит ближе, будто не замечая того, что я ярко ему демонстрирую.

Скрещиваю руки на груди.

— Убедился, что всё в порядке?

— Варь, — Кирилл с виноватым взглядом подходит ближе: — Я ляпнул, не подумав. В шоке был, ну.

Хочется верить, что это правда, но я всё равно не вычеркну того эпизода. Он уже случился.

— Проведать пришёл, пирожные принёс из твоей кофейни, — показывает пакет и несмело улыбается.

Усмехаюсь, глядя на пакет, и от парочки любимого кусочка меренгового рулета не отказалась бы.

— Идём, — подхожу к подъезду, открывая дверь: — Как там дела?

Задаю страшный для себя вопрос, потому что ведь лучше не знать, что там происходит. Но я проявляю собственную слабость, интересуюсь делами роддома. И нет, мне не стыдно. Я всё ещё не намерена соглашаться на их условия, а потому должна быть в курсе.

— Ничего, Надька отпуск за свой счёт взяла, вышла на одну смену — и с концами, — осуждающе озвучивает он: — Пришлось резко выдёргивать людей с выходных.

Интересно, конечно. Она мне писала, пока я переживала свою личную живую кому. Но она написала только, что всё сделала, как я и просила, с документами у того мужчины.

— Понятно, — входим с Кириллом в квартиру, я указываю на кухню, чтобы оставить пакет, а сама закрываю дверь в спальню.

Там такой беспорядок, что его лучше никому не видеть.

— Чай, кофе? — интересуюсь, когда Кирилл выходит из ванной.

— Кофе, — озвучивает он, двигаясь на кухню.

У меня она довольно маленькая. Круглый столик на двоих как раз предполагает наличие только лишь одного гостя.

— Что-нибудь по мужу... — пока наливаю воду, пытаюсь сформулировать: — Той пациентки известно?

Кир несколько секунд молчит. А я уже ставлю чашку перед ним и всматриваюсь в его лицо.

— Он приходил в больницу, — озвучивает он мрачно.

Сажусь на стул, коротко кивнув, и жду продолжения.

— Никто не знает, о чём они говорили с главврачом, Варь. Об этом вообще стараются помалкивать, дабы репутацию сохранить.

Слышать это до идиотизма комично. Потому что, чёрт возьми, можно взять регламент и указать на пункты, которым я следовала.

— Ясно, — тихо отвечаю, помешивая чайный пакетик в чашке: — Что там говоришь за пирожные?!

Пытаюсь отвлечься и сделать вид, что это не расстраивает... нет, что это не убивает меня. А Кирилл тем временем двигает ближе ко мне стул.

Берёт мои руки, заставив отбросить действие, которым, видимо, подсознательно я себя успокаиваю.

— Варенька, милая, — он чуть ли не касается своими губами моих рук, от чего мне резко хочется их отдёргнуть.

— Что ты...

Не успеваю договорить, потому что слышу продолжение того, что он говорит:

— Признай вину, слышишь! Проще же. Вон заведующая тебя в платную куда-нибудь пристроит гинекологом пока. Чуть подшаманит там, договорится — и всё, дело в шляпе.

По мере того, как он говорит, мне становится до тошноты противно. Словно меня облили чем-то вязким и вонючим.

— Ну что там пара лет без лицензии? Нелегально поработаешь через какой-нибудь сайт, запись будет, типа “На поправку”. Никто и не спросит, что у тебя за стаж... — он рассказывает мне какой-то сюр.

План, который он придумал вместо меня?! План, который уничтожит меня как личность, а он так просто и спокойно об этом говорит.

— Знаешь что... — резко выдёргиваю свои руки из его ладоней: — Тебе пора, Кирилл. Ты, кажется, так и не понял главного обо мне.

Качаю головой с разочарованием.

— И ты не ляпнул тогда в больнице, ты предлагаешь наступить мне на своё горло, потому что боишься. Но не переживай, свидетелем ты не будешь. И ещё кое-что, — тяну пакет с рулетом к себе: — Полагаю, больше не стоит нам общаться. Мы абсолютно с разных планет, как оказалось.

Он, ошарашенно моргая, смотрит на меня в ответ. Я же подбородком указываю на выход. Но Кирилл делает шаг ко мне и только хочет открыть рот, как в дверь в это время звонят.

Дорогие наши, книга Развод в 48. Его ложные клятвы впервые в прокате!

<https://litnet.com/shrt/vvkj>

И теперь ее можно приобрести за 50% стоимости на 5 дней)

Успейте воспользоваться такой возможностью!)))

Глава 27. Алексей

Просматриваю запись с камер на репите, как одержимый, жму на стоп в одном и том же месте, будто надеюсь, что чудо случится, и я не увижу её лица. Но, увы — с каждой перемоткой оно проступает всё чётче, как ожог, выжигая меня изнутри.

Того, кто сидит на пассажирском рядом с моей женой, уже ищут. И я жду — жду до дрожи в руках, до скрежета зубов, того момента, когда его найдут. Потому что стоит мне увидеть, как чужие мужские руки касаются щёк моей женщины, а потом его губы жадно прилипают к её губам, мои кулаки сами собой сжимаются так, что суставы хрустят.

Это полный, блядь, пиздец!

Меня разрывает на части, душу выворачивает, грудь сдавливают так, что не хватает воздуха... Как? Ну как, мать его, так?

Я олень? Жалкий идиот? Слепой, тупой, доверчивый debil?

Кто я для неё, если она смогла вот так плюнуть в моё лицо? И главное — какого хера она вообще решила, что со мной так можно?! Нашему ребёнку полгода, мы трахаемся, спим в обнимку, планируем отпуск, обсуждаем будущее.

А потом она в тачке, которую я ей подарил, с жадностью сосётся с другим.

Я сжимаю стакан так, что стекло трещит, и отшвыриваю его в стену. Мать, вздрогнув, жмётся к двери, прикладывая руки к груди.

Елисейка, испуганный громким звуком, тут же начинает хныкать. Я подхожу, беру его на руки, смотрю в маленькое лицо, пытаюсь проглотить ком, царапающий горло изнутри.

И как теперь дальше? Я точно знаю одно: я не стану терпеть измену. Никогда. Я не смогу тронуть женщину после другого. Меня тошнит от одной мысли, и, не в силах остановиться, я начинаю искать в лице сына чужие черты. А что, если?..

Но нет. Я вижу в нём себя. Он мой. Господи, спасибо, что хоть тут пиздец обошёл стороной.

Мать бросает взгляд на экран ноутбука, где замер тот самый кадр. Я знаю, что она хочет сказать. Знаю, что предупреждала. Но каждый раз ты, как дурак, надеешься на лучшее, веришь людям.

Только, видимо, зря. Все гнилые твари. И никому верить нельзя. Даже женщине, которая всего полгода назад родила тебе сына.

— Только не говори ничего, — предупреждаю её, даже не глядя в глаза, — Я знаю, что ты думаешь. Поверишь, твои мысли сейчас гремят у меня в голове, как колокол.

— Я и не собиралась, — врет. Гладко, спокойно, но я-то вижу, как дёрнулся уголок губ. Я точно знаю, что она уже была готова выдать мне: «Какой же ты идиот». — Давай внука заберу, пройдемся, погуляем. Пока ты остынешь.

А вот это правильно. Пусть уйдёт. Не хочу, чтобы мелкий впитывал этот яд, этот раскалённый, обжигающий жар, что клокочет во мне. Глаза режет, виски давит, кулаки сами ищут, куда бы врезать.

На столе два чека за оплату лечения. Молчаливые, холодные, как приговор. Напоминание, что всё оказалось фарсом, постановкой, кривым театром. Заплачу, конечно... я же не тварь. Не смогу бросить человека, который балансирует на грани жизни и смерти.

Но моё сердце... моё сердце разорвано в хлам, в крошево. Я ведь верил, что у нас всё хорошо, что мы семья, что мы вместе против всего мира. А оказалось — мир был против меня, а рядом стояла она, и просто смеялась. Тихо, про себя. А я был посмешищем.

Сука!

Бью кулаком в стену. Раз, второй. С такой злостью, что костяшки моментально разбиваются в кровь, а на светлых обоях расползаются тёмно-красные пятна. Горячие, липкие, как сама злость.

Ладно... нужно собраться. Решать всё по порядку. Сначала найти этого ублюдка. Узнать, сколько времени он трахает мою жену. Сколько раз. Где.

И всё же, в воздухе висит ещё одна проблема, та, о которой я стараюсь не думать, но сердце сжимается в стальной кулак: Варя.

Я уже знаю, в каком дерьме она оказалась, и кто на неё нацелился. Уже связался с адвокатом. Сильным, матерым, таким, что может вырвать человека из лап любого дерьма. Сказал ему — заberi её под своё крыло.

Да, Варя отказалась. Но я всё равно ей помогу. Не знаю почему, но в последнее время смотрю на неё совсем иначе. Она не та тихоня, какой я её считал в браке. Не покладистая, не безмолвная тень. И уж точно не скучная.

Видимо, я сам придумал её такой... и этим же обидел.

А теперь хочу помочь. Даже если ей плевать на мою помощь. Потому что знаю: проблемы у неё серьёзные. Уже. Просто она пока не понимает, насколько.

Я пробил всё по своим каналам — девчонку могут прижать в один миг. Легко. И жёстко.

Такие люди могут всё. Могут подкараулить в подъезде, могут сунуть нож под рёбра, могут просто напугать до полусмерти. А могут и так напугать, что захочется исчезнуть.

Сглатываю тот самый вязкий ком в горле, чувствую, как сердце бьёт по рёбрам, будто пытается вырваться наружу.

Поеду к ней. Убедиться, что всё в порядке. Что она в безопасности.

Часто стал к ней наведываться... будто тянет туда, где тихо, где дышится. Особенно теперь, когда в моей жизни полный, блядь, абзац.

У подъезда мама с коляской окликает:

— Ты куда?

— К Варе. Нужно помочь ей.

— К Варечке? Конечно, поезжай, сынок. Привет ей передавай, пусть позвонит, я скучаю.

Сжимаю зубы до хруста. Просто киваю и иду к машине. Мама обожает Варвару, и это никогда не было секретом. Я, правда, раньше не понимал, за что. Мать редко подпускает людей близко.

Но после того, как Варя помогла мне... помогла моему сыну... я понял. Понял, что в ней такого. И почему она цепляет людей.

И, чёрт возьми, почему я сам этого не ценил. Не видел. Не замечал.

Глава 28. Варвара

Подхожу к входной двери, а внутри всё клокочет от несправедливости и злости. И я ещё, дура, хотела верить.

Резко дёргаю дверь, оборачиваясь, чтобы проверить, идёт ли за мной следом теперь уже бывший товарищ. А когда возвращаю глаза к входной двери — вижу своего бывшего мужа.

Это какая-то игра? Чей-то хреновый розыгрыш или что?! На один квадратный метр слишком много бывших.

— Привет, хотел узнать...

Вершинин замолкает, потому что в поле его зрения появляется Кирилл.

— А, — он удивлён, и это тоже меня злит.

Будто я не могу быть с кем-то. Будто обязана сидеть в одиночестве и ждать его проблем.

— Я не вовремя? — смотрит на меня и изучает.

— Не совсем уверена в необходимости твоего визита...

Отвечаю я ему твёрдо. Кирилл сзади мешкается, а мне уже хочется, чтобы все оставили меня в покое.

— Варь, — слышу Кирилла.

— Не нужно, я всё сказала.

Я не хочу слышать нелепые отговорки. Мне плевать сейчас на его чувства. Моя жизнь рушится, а он со своей жалкой трусостью ещё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.